П-42

ПОВЕСТЬ О ТОВАРИЩЕ КИРОВЕ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
1937

С. М. КИРОВ

С картины художника Г. Гордона

П42

Б. ЖИТКОВ, Б. ИВАНТЕР,
А. НЕКРАСОВ, Б. ШАТИЛОВ

ПОВЕСТЬ О ТОВАРИЩЕ КИРОВЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
568406

ЧТО НУЖНЕЕ ВСЕГО?

В Казани в начале июня 1904 года из ремесленного училища шумно вышла толпа веселых парней. Они только что получили выпускные свидетельства и чувствовали себя победителями. Да, кончить школу — не шутка! Теперь они совсем уже взрослые. И странно: вот все они столько лет сидели за партами, жили одной жизнью, а закрылась школьная дверь — и жизнь как-то разом рассыпалась сотней дорог. Теперь разбредутся кто куда. Кто служить, кто учиться.

— А ты, Сережа, что думаешь делать? — спрашивали товарищи.

— Что делать? — ответил широкоплечий темноволосый юноша Сережа Костриков. — Не знаю.

— Тебе, с твоими способностями, надо было бы дальше учиться. Из тебя вышел бы хороший инженер или профессор механики.

— Может быть. Только для моего профессорства еще время не пришло. Я буду тем, чем буду и что сейчас нужнее всего.

Загадочный ответ Сережи ребята пропустили мимо ушей. Они не знали, что Сережа уже в то время тайком работал в революционных кружках и твердо решил всю свою жизнь отдать революции.

На перекрестке бывшие школьники распрощались и пошли каждый своей дорогой.

У Сережи Кострикова все не как у людей. Вот сейчас его товарищи придут домой и с гордостью покажут свидетельства. Родители, конечно, обрадуются, пойдут поздравления, подарки, свидетельства в рамках на стенах повесят. А ему и порадовать-то некого. Нет у него ни отца, ни матери. Он бездомный сирота. Здесь, в Казани, он ютится в скверной меблированной комнатенке, а в Уржуме, на родине, он жил тоже не дома, а в сиротском приюте.

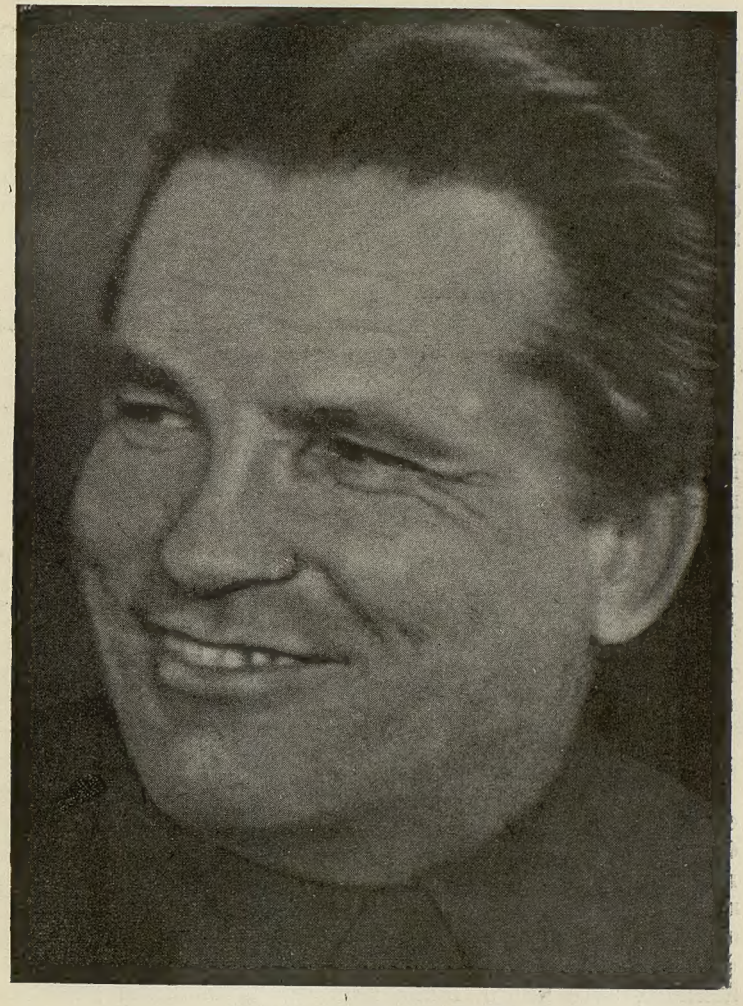
Да, здесь, в Казани, уже нечего делать. Будь деньги, он уехал бы учиться в Москву, в Петербург. Но как туда сунуться? «Хорош Питер, да бока повытер». «А Москва бьет с носка». Деньги, где их взять? Надо служить... Уехать в Уржум... Там все-таки сестры, друзья детства, знакомые. Авось и удастся поступить на службу и наладить жизнь.

Через несколько дней Сережа простился с Казанью, сел на речной пароходишко и поехал по Волге, Каме, Вятке в лесную уржумскую глушь.

В Уржуме он прожил все лето, на службу не устроился и решил было уехать в Сормово.

— Поедем, Шурка! — звал он с собой и своего верного друга детства Шуру Самарцева. — Меня давно тянет туда на завод. Там хорошая революционная организация.

Но и это не удалось. Шура Самарцев познакомил его



Сергей Миронович Киров.

со студентом Томского университета Иваном Никоновым. Никонов, поговорив с Сережей, сразу понял, что Сережа незаурядный и талантливый парень, и стал его уговаривать:

— Брось ты свое Сормово! Служба от тебя не уйдет. Учиться, учиться тебе надо, Сережка! Едем в Томск! Поступишь в технологический институт... Снимем с тобой комнатенку и будем жить вместе.

— Да я бы с удовольствием... Но примут ли меня? Ведь я не гимназию окончил и не реальное училище...

— А почему же не примут? Томск не Москва и не Петербург. У нас неучей семинаристов и то принимают. А если и не примут, так поступишь на высшие образовательные курсы, поучишься год, а там уж институтские двери сами перед тобой раскроются. Что? Деньги? Да много ль их надо! У нас все равно, как в Уржуме, — жизнь дешевая. Недаром беднота со всей Руси едет учиться к нам в Томск. Я сам не богаче тебя, а учусь. Ну, едем, что ли?

В августе 1904 года Сережа вместе с Никоновым уехал в Томск. В институт его не приняли. Но он не привык унывать и поступил на высшие образовательные курсы, чтобы потом перейти в институт. Он принялся было за математику, физику, химию, но тут подоспело такое горячее время, что не до учения было.

Сережа бросил учиться и взялся за «самое нужное»— за революционную работу.

Томск в те времена был административным центром и едва ли не самым культурным городом Сибири. В Томске было два высших учебных заведения: университет и технологический институт, несколько гимназий, семинарий, коммерческое, техническое и реальное училища. Были в городе небольшие заводы и фабрики, несколько типографий и много торговых предприятий. Рабочих в Томске было немного, зато много было купцов, чиновников, учителей,

профессоров, студентов и курсисток. Томск в те годы был по преимуществу городом сибирской интеллигенции.

Осенью 1904 года, когда Сережа Костриков приехал в Томск, местный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) переживал тяжелое время. Еще весной почти всех членов комитета арестовала полиция и упрятала в тюрьму. Если кого из них и освобождали, то сейчас же высылали из Томска, или же за ними так зорко следила полиция, что им уже нельзя было руководить комитетом. Комитетом руководило всего два человека. Нужны были новые работники. И вот при комитете из революционной молодежи был создан подкомитет. Самыми молодыми в подкомитете были Сережа Костриков и типографский рабочий Иосиф Кононов. Очень скоро они подружились. Подружила их молодость, общая партийная работа, глубокая вера в победу революции. Они жили неподалеку друг от друга, часто сходились вместе, читали книги и вели самые задушевные беседы.

У каждого подкомитетчика была своя работа. Сережа Костриков руководил группой, которая печатала на гектографе прокламации и воззвания, а в начале 1905 года ему поручили работу по созыву митингов и агитационных собраний.

Начало 1905 года ознаменовалось кровавыми событиями: 9 января в Петербурге рабочие пошли ко дворцу за царской милостью, а царь приказал солдатам стрелять в толпу.

Расстрел безоружных рабочих всколыхнул всю революционную Россию. Начались забастовки, демонстрации. В ответ на этот предательский расстрел Томский комитет партии решил организовать вооруженную демонстрацию и назначил ее на 18 января.

Партийцы стали усиленно готовиться к демонстрации. Сереже Кострикову с Кононовым поручили организо-

Глухой городок Уржум, в котором Сережа Костриков провел детство.

вать боевые дружины, вооружить их на конспиративной[1] квартире и разработать план демонстрации.

СМЕРТЬ КОНОНОВА

18 января, в девять часов утра, на Почтамтскую улицу, к университетским клиникам и к управлению сибирских железных дорог, стал сходиться народ: рабочие, студенты, курсистки, дружинники. И сейчас же вдоль тротуаров шпа-

[1] Конспиративная — тайная, скрытая от полиции.

В этом доме родился С. М. Киров.

лерами выстроились городовые. В десять часов, по сигналу, демонстранты ринулись на мостовую и стали колонной. Городовые бросились было их разгонять, но вооруженные дружинники уже выстроились по бокам и впереди колонны. Иосиф Кононов поднял красное знамя с лозунгом: «Долой самодержавие!», демонстранты запели «Марсельезу» и двинулись по главной улице. По обеим сторонам колонны хмуро зашагали полицейские, вооруженные револьверами.

Потом демонстранты свернули направо, к пассажу Второва, и тут увидели, что навстречу им с горы рысью скачут казаки. Офицер что-то скомандовал, и на солнце ярко блеснули казацкие шашки. Сейчас они врежутся в толпу демонстрантов и начнут рубить людей, как капусту. Демон-

странты подпустили казаков поближе и по команде «Огонь!» выстрелили.

Такого отпора казаки не ожидали. Первые ряды разом повернули обратно, наскочили на задних, кони сбились в кучу, и весь отряд пустился наутек. Но тут городовые с двух сторон открыли огонь по колонне. Теперь уже демонстранты пришли в замешательство. А тут еще казаки, оправившись от смятения, врезались в толпу. Началось жестокое избиение.

Где было дружинникам сопротивляться: их было мало, да и дрянные их револьверишки не пробивали даже казацких полушубков.

Полиция и казаки убили троих, а избили и ранили около двухсот человек. Пострадал и Сережа Костриков. Его избили, и, когда он, спасаясь от озверевших казаков, перелезал через забор, какой-то усач-городовой своей тупой селедкой [1] рассек ему пальто на спине и руками оторвал одну полу.

— А где Кононов? — спрашивали комитетчики, собравшись после побоища. Все очень любили семнадцатилетнего юношу Кононова: такой верный товарищ, преданный делу и такой весельчак, мастер попеть, поплясать на рабочих вечеринках. Больше всех беспокоился Сережа Костриков — друг Кононова.

ЗНАМЯ СПАСЕНО

И вот в пять часов дня к комитетчикам пришел городской врач, который не был партийным, но, как многие интеллигенты в ту пору, сочувствовал революции. Он сказал:

---

[1] Селедкой в насмешку называли полицейскую шашку.

— Кононов убит.

— Убит?!.

Да, врач только что по долгу службы был на месте побоища, осматривал убитых и раненых. Нашел Кононова, расстегнул пальто, чтобы послушать, бьется ли сердце. Сердце уже не билось, но на груди, в боковом кармане, врач нашел красное знамя. Он поспешно застегнул пальто и приказал труп Кононова отвезти в университетскую клинику, в покойницкую.

— Так знамя цело! Как же оно попало к Кононову в карман?

Этого никто не знал. Может быть, он сам, когда наскочили казаки, быстро сорвал знамя с древка и сунул в карман, а может быть, кто-нибудь из демонстрантов спрятал знамя на груди убитого.

— Надо его достать, — сказал Сережа, — нельзя, чтобы знамя — честь революции, — под которым погиб Иосиф, попало в руки мерзавцам.

Но как его достать? Пойти в клинику? Опасно. Могут арестовать.

— Знаете, что? — предложил кто-то. — Лучше всего пойти туда кому-нибудь из девиц. Придет и скажет, что жениха убили. Разжалобит сторожей, ее впустят в покойницкую, она и заберет знамя.

— Нет, я сам достану, — сказал Костриков. — Скажите, где эта ваша покойницкая?

Врач подробно рассказал ему, как пройти к покойницкой и где найти сторожа.

— Дайте взятку сторожу, и он вас впустит.

Ночью Сережа Костриков вместе с молодым парнем — рабочим — перелезли через каменную ограду в университетский сад, отыскали покойницкую — темный, мрачный домишко, стоявший в стороне от клиники. На двери висел тяжелый замок, в окнах — железные решетки. Сережа попро-

Сиротский дом. Здесь воспитывался Сережа Костриков.

бовал выломать решетку, но она и не погнулась. Сломать замок было тоже мудрено. Пошли к старику-сторожу. Он служил при покойницкой с самого основания университета и очень любил студентов. Стали просить, убеждать его, чтобы он пустил их в покойницкую.

— Да вам зачем?

— А у нас брат-студент пропал. Должно быть, на демонстрации убили. Мать ревет. «Ступай,— говорит,— ищи Петьку!» Не попал ли он сюда к вам?

— Студент, говоришь, был? Ну, ладно, пойдем.

Старик открыл покойницкую. В покойницкой — тьма. Парень, сопровождавший Сережу, вдруг испугался и ни за

что не хотел войти. Сережа один вошел, отыскал труп Кононова и вынул из кармана покойного друга окровавленное знамя.

И это знамя развевалось потом 26 января, когда хоронили Иосифа Кононова и громадная толпа демонстрантов с пением революционных песен шла за гробом юноши-революционера; развевалось оно и 14 июня на монастырском кладбище над тысячной толпой, собравшейся на открытие памятника Кононову.

Томский комитет очень дорожил этим знаменем и бережно хранил его в течение многих лет.

Смерть друга, разгон демонстрации, зверства полиции потрясли Сережу. А тут еще меньшевистская часть в комитете РСДРП, после избиения 18 января, стала говорить, что вооруженные демонстрации ни к чему. Время, дескать, не пришло: надо ждать, когда народ, как во время французской революции, захватит арсеналы, вооружится, за народом пойдут войска, и тогда... Вся эта болтовня возмущала Сережу. Да разве само по себе придет это время? И доколе его ждать? Зачем и во имя чего же тогда погиб Иосиф Кононов и тысячи других?

— Нет, — горячо возражал он, — революция вплотную подошла к вооруженным восстаниям. Пролетариат с оружием в руках должен свергнуть царское правительство и взять власть в свои руки.

— С каким это оружием? — смеялись меньшевики. — С четырьмя патронами и с револьверами «лефаше» никого не свергнешь.

— А вы видели сегодня, как казаки закрутились от наших лефаше? Если бы на демонстрации были все вооружены, не так бы это кончилось.

В апреле, на партийной конференции сибирских делегатов, разногласия между меньшевиками и большевиками обострились еще больше.

Сережа Костриков был поражен тем, что за большевистскую резолюцию о вооруженном восстании голосовало всего четыре делегата.

Все лето 1905 года революционное движение в Томске непрерывно нарастало.

Почти ежедневно за городом происходили митинги. Шли беспрерывные забастовки. Полиция притихла, и аресты временно прекратились.

«ПРИЯТЕЛЬ»

Сережа в то лето служил чертежником в городской управе, а жил вместе с типографскими рабочими на квартире у старушки Кононовой — матери Иосифа. К нему переехал его друг Михаил Попов, и вскоре квартира Кононовой превратилась в штаб томских большевиков. Здесь устраивали тайные собрания, здесь работал кружок, здесь же иногда запросто собирались молодые рабочие в свободные от работы вечера.

Полиция вскоре взяла под надзор эту квартиру. Однажды утром, когда все жильцы ушли на работу, а старушка Кононова хлопотала в кухне по хозяйству, к ней пришел какой-то усач, который сразу показался ей подозрительным.

— Здравствуйте! Сережа дома?

— Нет, на службу ушел.

— Вот досада-то!

— А вы кто такой?

— Да я его приятель. Мы с ним старые друзья.

«Приятель» сел на табурет в кухне и пустился в расспросы: как поживает Сережа, кто к нему ходит да чем они тут занимаются.

Посидел и ушел.

А наутро опять:

— Сережа дома?

И так каждый день. Как только все уйдут из дома, придет на кухню, сидит, расспрашивает и досадует, что никак вот не может Сережу дома застать.

Старушка Кононова, наконец, сообразила, что это за птица, и как-то с возмущением сказала Сереже:

— Что это за приятель к тебе повадился ходить, Серега? Приятель, приятель, а штаны синие, и усы, как у жандарма. Уж думает — старуха, так и глупее его.

— А вы покажите мне его, — сказал Сережа.

Однажды вечером Кононова позвала к окну Сережу и показала:

— Гляди, вон он, твой приятель, на углу стоит, глазами по окнам шарит.

— А! Так мы его проучим сейчас. Заманим, как мышь в ловушку. Идем, Михайла!

Попов и Костриков надели фуражки, вышли из дома и пошли по улице, словно торопясь куда-то по делу. Завернули за угол — ушли.

А «приятель» тотчас же к старушке Кононовой.

— Здравствуйте! Сережа дома? Опять нет? Вот не везет! А скоро вернется?

— А кто его знает! Да едва ли скоро-то.

— Так я посижу, подожду его, авось не задержится. Ну, как он живет-то?

Уселся, по обыкновению, в кухне и пустился в разговоры. Вдруг хлопнула входная дверь, и в кухню вошли Попов и Костриков.

— Ну вот, наконец-то! — насмешливо сказала Кононова. — А тебя, Серега, тут приятель заждался.

— Какой приятель?

— Да вот, видишь, сидит.

А «приятель», переодетый шпик, сидит и ежится. Усы

Сережа Костриков и друг его детства Шура Самарцев.

топорщатся, глаза бегают, готов сквозь землю провалиться. Влопался, болван!

Попов и Костриков без долгих разговоров схватили «приятеля» за шиворот, дали ему хорошего тумака и спустили со второго этажа по крутой лестнице вниз. «Приятелю» это было так неприятно, что он потом уже к Кононовой и носа не показывал.

Тем же летом в Томском комитете прошли перевыборы. В состав нового комитета был избран и Сережа Костриков.

Он со всей горячностью взялся за руководство революционной работой и вскоре на деле проявил свои редкие свойства: смелость, упорство, необыкновенную находчивость, изобретательный ум и темперамент настоящего революционера.

ЧЕРНАЯ СОТНЯ

Революция росла и устрашала правительство.

13 октября в Петербурге образовался первый Совет рабочих депутатов — орган революционной власти. Многочисленные забастовки, вспыхивавшие в разных концах страны, слились во всеобщую забастовку. Остановились поезда на железных дорогах, прекратили работу телеграф и почта.

Царь испугался и 17 октября издал «высочайший манифест», которым «всемилостивейше» обещал своим подданным свободу слова, собраний, свободу совести, союзов и множество всяких «свобод». Манифестом царское правительство хотело расстроить ряды революции. Отчасти это и удалось. Либеральная интеллигенция обрадовалась: «Наконец-то конституция!» И успокоилась.

Но большевики и рабочие отнеслись к манифесту, как к хитрой провокации, и не ошиблись. В то время как мень-

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
568406

шевики и либеральная интеллигенция праздновали победу, царское правительство готовило удар по революции.

В Томске удар этот разразился 20 октября, то есть всего три дня спустя после издания манифеста о свободах.

В Томске, в том месте, где Почтамтская улица пересекает Московский тракт, стояло когда-то трехэтажное здание управления Сибирской железной дороги. Рядом был телеграф и театр Королева, а напротив, на площади, собор и дом губернатора.

Утром 20 октября в этом месте было необыкновенное оживление, как будто праздник настал. По улице, обгоняя друг друга, шли студенты, курсистки, гимназисты, рабочие и железнодорожные служащие; все, возбужденные, радостные, спешили на митинг в театр.

Митинг был назначен Томским комитетом РСДРП на три часа дня, но народ, жаждавший услышать слово свободы, собрался с утра.

В то же время из притихшего дома губернатора вышел вождь томских мещан — дюжий купчина по фамилии Самкин-Косицын. Вид у него тоже был возбужденный и радостный: еще бы, удостоился чести беседовать с «его превосходительством» — генерал-губернатором. Первый раз в жизни! «Его превосходительство» спросил: «Неужто народ все это стерпит? Смотри, что творится! Свобода! А государю эти свободы-то, думаешь, по сердцу? Неужто не возмутятся сердца истинно русских людей, и сам народ грудью не станет... Понял? Войска? Не войска, а народ, сам народ должен возмутиться и пойти против безбожников, бунтарей и смутьянов — за бога, царя и отечество. Они с револьверами? Ну что ж! А войска-то разве не вступятся за народ? Можно и городовых пустить в ход. Переоденем, в штатское нарядим. А что, разве они не народ? Поди, тоже возмущены. Ну, понял? Так и не теряй времени».

Через несколько часов в городе образовалось два пото-

ка людей. Революционеры и все, кто сочувствовал революции, шли к королевскому театру на митинг, а мясники, мещане, переодетые городовые, лабазники, тот самый «народ», о котором говорил «его превосходительство», вооруженные ножами, кастетами, дубьем и револьверами, стекались к штабу черносотенцев — к мещанской управе.

Митинг еще не начинался, а уже пьяные черносотенцы с иконами, трехцветным знаменем, портретом царя запели «Боже, царя храни» и двинулись от мещанской управы на Почтамтскую. Среди них было много переодетых городовых с казенными револьверами. Об этом сейчас же узнали в комитете РСДРП. Решили срочно мобилизовать боевые дружины.

Погромщикам надо дать решительный отпор, иначе они всех перережут. Надо всем вооружиться. Но где взять оружие?

— В управу, идемте в управу! Управа раздает оружие городской охране. Сейчас оружие можно достать только там. Оружие прежде всего! В управу!

Толпой бросились в управу.

Черносотенцы тоже подошли к управе и окружили ее, намереваясь разгромить городскую охрану. Но опоздали: городская охрана была уже вооружена и дала жестокий отпор пьяным погромщикам. Погромщики двинулись дальше по Почтамтской улице.

Когда они ушли, городская охрана выстроилась в боевом порядке. И тут вдруг оказалось, что у этой армии нет полководца. Так нельзя, кого-то надо же выбрать. Да вон солдата в папахе! Он, говорят, порт-артурец. С японцами дрался. Пусть он и будет начальником.

Папаху порт-артурца повязали лентой с красной надписью: «городская охрана». Поставили его во главе дружины. Вся дружина надела такие же повязки на рукава и с красным знаменем двинулась по Почтамтской в погоню за по-

громщиками. И тотчас же натолкнулись на трупы двух известных в Томске общественных деятелей. Их уже успели зарезать мясники-черносотенцы.

ОРУЖИЯ НЕ СДАВАТЬ!

Погромщики были далеко впереди. Они уже побывали у архиепископа Макария и получили от него благословение на избиение евреев и безбожников-студентов. Благословясь, двинулись к театру, окружили его, ворвались внутрь и принялись было избивать и уродовать людей, как вдруг увидели, что к театру в боевом порядке идет городская охрана. Погромщики перепугались и стали прыгать из окон на улицу.

И вот черная сотня, вооруженная револьверами, кастетами, дубьем и ножами, столкнулась лицом к лицу с городской охраной.

Дружинники стали уговаривать их разойтись, но черносотенцы, как звери, бросились с дубьем на дружинников.

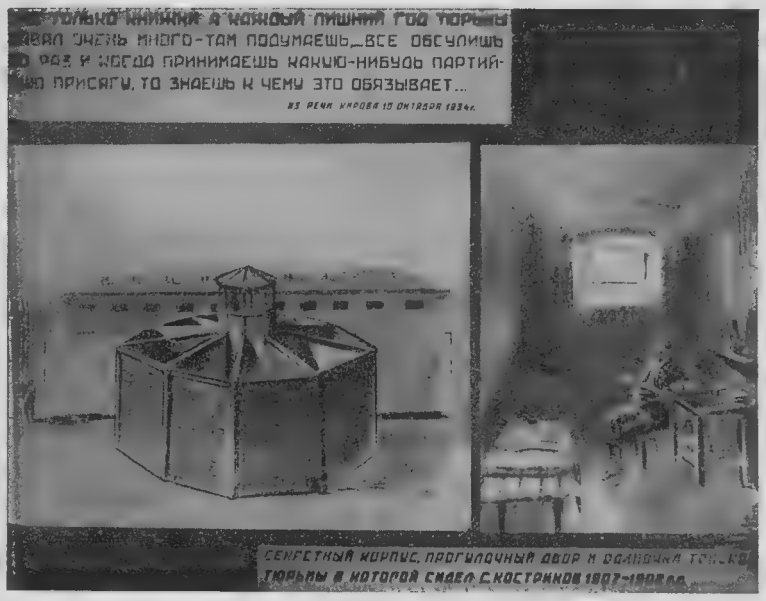
Кто-то из погромщиков выстрелил и ранил студента-дружинника. Тогда дружинники открыли стрельбу. Трусливый сброд бросился врассыпную.

Дружинники торжествовали, но недолго. Оказалось, что порт-артурец в папахе исчез. Дружина опять без начальника.

Что же это значит? И кого же теперь выбирать?

— Спокойно, товарищи! Хладнокровие прежде всего!— кричал студент гигантского роста по фамилии Нордвиг. Он не был близок к революционным кругам и усердно занимался своей медициной, но, когда выступили погромщики, он с браунингом в руке стал в ряды городской охраны.

— Спокойно, товарищи! — кричал он и сам был очень спокоен и тверд. Его гигантский рост и уверенный голос



Томская тюрьма, в которой С. М. Киров просидел семь месяцев. (Рис. худ. Кувъмина.)

как-то сразу внушили к нему доверие, и дружинники выбрали его своим командиром.

Построившись, они двинулись по опустевшей Почтамтской. Навстречу им скакали казаки. Увидев дружинников, казаки остановились, спешились и открыли из винтовок стрельбу. А за оградой, возле собора, уже расположилась пехота. Нехватало только пушек. Что делать?

Невооруженные люди, пришедшие на митинг в театр, спасаясь от пуль, бросились в управление Сибирской дороги.

Вскоре и дружинники под натиском казаков и черносотенцев отступили туда же. В управление набилось около тысячи человек.

Все невооруженные столпились на третьем этаже. Дружинники заняли коридор второго этажа и забаррикадировали двери тяжелыми шкафами. А нижний этаж, самый опасный при обстреле, остался пустым. Снаружи это здание плотным кольцом окружили войска и черная сотня.

Близился вечер. К осажденному зданию прискакали начальник жандармского управления и губернатор. Начались переговоры с дружиной. Власти объявили, что выпустят всех, если дружинники сложат оружие.

Дружинники заколебались. В самом деле, не сложить ли оружие? Ведь другого исхода как будто и нет. Разве может устоять небольшая кучка людей с револьверами против регулярных войск? Конечно, на слова жандарма полагаться нельзя... Но вдруг не надует?..

Нордвиг согласен был сдать сейчас же оружие, и вся дружина склонялась к тому же, как вдруг с площадки лестницы раздался звонкий голос Сережи Кострикова, который до сих пор был как-то совсем незаметен.

— Не верьте, товарищи! Все это подлая провокация! Если сдадите оружие, вы все погибнете.

Он говорил с такой убежденностью, с такой твердой решимостью защищаться с оружием в руках до конца, что слова его как-то сразу всех подбодрили. Дружинники объявили губернатору, что они сдадут оружие только в том случае, если он уберет войска. Губернатор не согласился.

Два инженера управления Сибирской дороги, поверив словам губернатора, решили выйти из засады. Но едва они показались на улице, как на них набросились мясники и лабазники. Одного они растерзали. Другому прострелили ногу, и он, истекая кровью, бросился обратно к дружинникам.

— Видите, что они делают! — закричал Сережа Костриков. — Вот как они держат свое слово!

Теперь осажденные поняли, что Сережа Костриков прав, что обещания губернатора—провокация, что надо защищаться с оружием в руках до конца. Скромный и застенчивый юноша, проявивший в решительную минуту такую ясность ума и твердость характера, сразу вырос в глазах дружинников и заслонил собой гигантскую фигуру Нордвига. Дружинники как-то невольно стали прислушиваться к голосу Кострикова.

ПОЖАР

На дворе стемнело. Уже восемь часов. Дружинники волнуются. Еще больше волнуются на третьем этаже безоружные люди. На улице черносотенцы притащили из театра и нижнего этажа управления мебель, сломали ее, развели костры и стали бросать пылающие головни в окна. И вот в первом этаже начался пожар. Черносотенцы ликовали и гикали: «Ага! Влопались, голубчики! Зажарим, как баранину!»

Скоро горячий, удушливый дым повалил во второй и третий этажи. Народ заметался. Многие в панике бросились через парадный ход на улицу. Некоторые стали бросаться из окон. Войска тотчас же открыли стрельбу. Кого пулями не скосили казаки, тех дубинами добивали погромщики. Народ метнулся обратно. От дома губернатора пригнали еще сотню казаков, и начался обстрел всего здания. Защелкали пули по каменным стенам, зазвенели разбитые стекла. Дружинники в коридоре второго этажа задыхались в дыму.

Пламя из нижних окон врывалось уже в разбитые окна второго и третьего этажей. Толпа, увидев пламя в окнах, с криком и воплем бросилась с третьего этажа вниз — во

второй. В коридоре, где были дружинники, разом стало так тесно, что нельзя было отодвинуть шкаф, которым забаррикадировали дверь на черный ход. Какой-то силач с размаху двинул плечом и выломал стену шкафа. Сквозь эту щель, в которую можно было пролезть только боком, люди бросились к выходу. Тут было много женщин. Их в панике начали было оттеснять более сильные мужчины.

— Товарищи дружинники! — закричал Костриков. — Задерживайте мужчин и пропускайте в первую очередь женщин!

И вот дружинники принялись наводить порядок. За шиворот оттаскивали от шкафа трусливых мужчин и пропускали женщин.

За женщинами, наконец, стали выходить и мужчины. Сережа Костриков вышел на площадку черной лестницы, подошел к окну, чтобы подышать свежим воздухом, и вдруг увидел, что по узкому проходу между управлением и театром к черному ходу с дубинкой бежит погромщик. Сережа стоял у окна, как раз над черным ходом. Он поднял револьвер и выстрелил. Погромщик ахнул, бросил дубину и метнулся назад. И как только появлялся какой-нибудь озверевший лабазник с горящим поленом или с револьвером в руках, Сережа тотчас пускал в него меткую пулю. Так он один, пользуясь теснотой прохода, сдерживал натиск погромщиков.

Толпа выбегающих все редела и редела. Сережа Костриков спрыгнул с подоконника и пошел вниз.

Дружинник столяр Герасим Шпилев последним вышел из коридора сквозь щель в шкафу и застучал сапогами по ступенькам. На лестнице, окутанной удушливым дымом, он обогнал кого-то и сбежал к двери черного хода, раскрытой настежь. Он с размаху наткнулся на обледенелую водовозную бочку, которой черносотенцы загородили выход, и упал. И тотчас же с ужасом увидел, что какой-то рыжебородый

верзила, ярко освещенный пожаром, бежит к нему с дубиной. Сейчас хватит по голове—и смерть! Но вдруг за спиной раздался выстрел. Рыжебородый покачнулся и выронил дубину. Герасим Шпилев вскочил и оглянулся. За ним стоял Сережа Костриков с револьвером в руке.

Во дворе театра стоял навес, под которым хранились груды старых декораций. Дружинники и часть спасшихся от пожара людей спрятались здесь, в декорациях, а часть забилась в подвальное помещение телеграфа. Но это убежище оказалось ненадежным.

Пожар перекинулся на театр, каждую минуту пламя могло охватить и навес с декорациями. Начальник дружины Нордвиг предложил попытаться перелезть через забор возле сберегательной кассы, находившейся рядом с театром. Он сам взобрался было на каменную ограду, но за оградой увидел солдат со штыками и вернулся назад.

Что делать? Как вырваться из этого кольца казаков и черносотенцев?

— Надо сбиться в одну кучу, в один крепкий кулак,— сказал Сережа Костриков, — и разом всем броситься, прорвать цепь и по Московскому тракту — за Исток [1].

И вот по команде Кострикова: «Раз, два, три!» толпа в несколько сот человек плотной массой ринулась по узкому проходу между театром и сберегательной кассой на улицу. Погромщики преградили было путь толпе, но, увидев смело бегущих прямо на них людей, расступились. Кольцо лопнуло.

Толпа бежала по Московскому тракту, к Истоку: впереди безоружные, а сзади дружинники. За толпой в погоню пустились казаки. За ними, с дубьем, ножами и револьверами, затопали черносотенцы.

Начались перестрелка, резня. Погибло много дружин-

[1] Исток — предместье в Томске, расположенное за ручьем Истоком.

ников и сотни безоружных людей. Убили Нордвига и так его изувечили, что потом даже близкие друзья смогли узнать его труп только по обрывкам одежды.

Черносотенцы три дня громили квартиры студентов, евреев. И даже дом либерального городского головы растащили по бревнам.

И теперь не только большевикам, но и всем стало ясно, кому и какие свободы даровал царь Николай своим «высочайшим манифестом» от 17 октября 1905 года.

Чтобы оградить себя от этих «свобод», от погромов черной сотни, большевики Томского комитета РСДРП организовали свою боевую дружину. Рабочие, студенты-технологи делали бомбы, комитетчики добывали оружие. Каждое воскресенье дружинники уходили за город, обучались стрельбе и метанию бомб.

БЕСЕДА В ПЕКАРНЕ

Наряду с этим большевики неустанно вели агитацию среди самых различных слоев населения. Они разъясняли безграмотному народу, сбитому с толку провокациями черносотенцев и клеветой на революцию, что творится вокруг, во имя чего революционеры с оружием в руках восстали против правительства.

Агитировать приходилось иногда среди самого темного люда, который находился во власти черносотенцев и готов был на всякое подлое дело.

В Томске за городом было много мелких кирпичных и кожевенных заводов. На этих заводишках работал всякий сброд — беглые каторжники, уголовники. Владельцы заводов — купцы и мещане, — пользуясь тем, что у этих людей не было паспортов, жестоко эксплоатировали их и держали в беспрекословном повиновении под страхом каждую минуту выдать полиции. Эти жалкие, полуголодные рабы, одетые в

отрепья, работали круглые сутки за хлеб да за грязные нары в хозяйских бараках.

Во время демонстрации хозяева заводов, в большинстве черносотенцы, подносили своим «рабочим» по стакану водки и вели их в город разгонять демонстрантов, избивать студентов и громить еврейские магазины. И те, по темноте своей, шли на это мерзкое дело.

Но и на этих темных людей революция оказывала свое действие. И у них уже начинало пробуждаться сознание. Они уже не только чувствовали, но и стали понимать, что они рабы своих хозяев, жалкие, бесправные люди, что и в Сибирь на каторгу попали только потому, что им есть было нечего. Если бы эти люди за свой труд получали настоящую плату, разве они пустились бы на грабежи и убийства? Ведь все это с отчаяния, оттого, что дети с голода пухли, оттого, что выхода не было.

И среди этих «рабочих» началось расслоение. Одни — более темные — все еще продолжали стоять за хозяев, а другие уже прислушивались к гулу революции и мечтали о расправе с эксплоататорами.

Комитет партии, узнав об этом, решил распропагандировать более сознательных и завербовать их в ряды революции.

И вот однажды Сереже Кострикову поручили провести беседу с пекарями, а среди пекарей было так же много беглых каторжников, как среди кирпичников и кожевников.

Одному итти было опасно. Народ подозрительный, озлобленный, скажешь что-нибудь, что им не по нутру, и поднимут галдеж: «Да ты кто такой? Зачем пришел? Кто тебя звал сюда?» Могут избить и даже убить. Случаи такие бывали.

Для большей безопасности вместе с Сережей пошел его друг Михаил Попов — парень сильный и рослый. Вооружились они револьверами и поздним вечером пошли на окраи-

ну города. Разыскали пекарню, спустились вниз по грязной лестнице, толкнули дверь и вошли в мрачный подвал, где стояли большие чаны с тестом.

Посреди подвала — стол, на столе чадит и чуть светит коптилка. На потолке и по углам, как паруса, надутые ветром, висит паутина, и на ней — густой слой мучной пыли. Возле чанов человек двадцать пекарей-оборванцев. Обстановка зловещая. Не пекарня, а бандитский притон.

Сережа поздоровался, сказал, зачем пришел. Пекаря сгрудились возле стола, и началась беседа. Сережа рассказывал о том, как буржуазия эксплоатирует рабочих, чего хотят рабочие, за что и с кем они борются и т. д., а сам внимательно всматривался в лица незнакомых пекарей: его беспокоило, нет ли среди них пьяных. Беседы в такой компании почти всегда проходили спокойно, если все были трезвы, и неизбежно кончались скандалом, если среди собеседников оказывался хотя бы один подвыпивший парень.

И вдруг из полумрака послышался возглас:

— Мало мы вас били, так вы еще и сюда пришли?

Кричал явно пьяный человек.

Расталкивая пекарей, он пробирался к Сереже. Но тут какой-то детина громадного роста с мускулатурой атлета, без рубахи, в одном фартуке на голом теле, преградил ему дорогу и зыкнул:

— А ну, подойди, тронь, попробуй!

И тут вся пекарня вдруг зашумела, стол зашатался, коптилка опрокинулась, погасла, и в полной темноте началась свалка.

Кто кого тузил, в темноте трудно было разобрать. Пекаря — народ сильный: они тесто катали локтями и ежедневной работой развивали мускулатуру. Пьяный ведь тоже мог оказаться атлетом, за него могли вступиться другие, всем скопом наброситься на юных агитаторов и своими огромными кулаками переломать им ребра.

Но вот груда тел рухнула на пол, кого-то подмяли и стали вязать. Зажгли свет. Оказалось — пьяного вяжут. Связали и успокоились. Сережа продолжал свою речь.

После таких бесед многие стали призадумываться, а призадумавшись, понимали, что так жить нельзя, что нужно сломить нестерпимый гнет. Да, революционеры правы! Они молодцы! Они делают хорошее дело!

И хотя немногие становились в ряды активных борцов за свободу, но большинство проникалось горячими симпатиями к революции и революционерам и не шло уже по призыву черносотенцев громить демонстрации.

Однако, и черная сотня, то есть организованные правительством погромщики, лавочники, купцы и мещане, полиция, не переставала готовиться и стягивать все свои силы.

Правительство душило революцию.

НЕУЛОВИМАЯ ТИПОГРАФИЯ

После революции 1905 года Сибирь подверглась жестокому разгрому. Карательные экспедиции двух генералов — Ренненкампфа и Меллер-Закомельского — расстреливали и вешали революционеров, рабочих и студентов. В самых захолустных городках тюрьмы были переполнены политическими заключенными. Жандармы и полиция брали на заметку всех участников революционного движения и за малейший пустяк карали тюрьмой, ссылкой и каторгой.

Черная сотня торжествовала. А революция уходила в подполье. Кончились митинги, прошли времена, когда можно было открыто говорить на собраниях. Настали тяжелые дни. Борьба с царским правительством требовала теперь иных методов. Почти в каждом городе снова появились конспиративные квартиры, подпольные типографии, в которых печатались воззвания и прокламации, призывавшие тру-

дящихся к борьбе с царским правительством и буржуазией.

Сережа Костриков был большим мастером по организации таких тайных типографий. Он умел подыскать где-нибудь на окраине домишко, который ничем не отличался от других домов и не вызывал никаких подозрений ни у соседей, ни у полиции. Но, несмотря на все предосторожности, полиция, в конце концов, находила эти типографии и всех, кого заставала в них, посылала в ссылку и на каторгу. В те годы нужны были большая решимость и твердость характера, чтобы работать в тайной типографии.

В Томске в течение короткого времени все подпольные типографии одна за другой были раскрыты полицией. Тогда Сережа Костриков задумал оборудовать такую типографию, какую никак не смогла бы обнаружить полиция.

Сережа был человеком очень изобретательным, любителем всяческой хитрой механики. Еще в Казани, когда он учился в ремесленном училище, он смастерил из какого-то металлического хлама настоящий электромотор. Он любил математику, физику, химию и, наверное, был бы хорошим инженером, если бы не отдал всего себя революции.

И вот весной 1906 года Сережа представил в комитет партии проект необыкновенной типографии. Комитет одобрил, отпустил деньги и дал Сереже Кострикову в помощь троих наиболее стойких, но таких же юных товарищей, каким был он сам: Михаила Попова, Герасима Шпилева и Егора Решетова. Сережа стал подыскивать дом для типографии.

Городской врач жил на окраине города в собственном доме с большим садом. В глубине сада на Аполлинариевской улице одиноко стоял деревянный двухэтажный домишко с небольшим двором, конюшней и погребом. Хозяин этого дома, какой-то мещанин, продавал его очень недорого,

и дом этот был как раз очень удобен для тайной типографии: он стоял на отшибе, на тихой улице и в хорошем соседстве.

Комитет дал деньги врачу, с тем чтобы он купил этот дом как бы для себя и сдал его в аренду Газиной. Под этой фамилией скрывалась в Томске А. А. Кузнецова, старая партийная работница, бежавшая из ссылки.

Врач купил дом и сдал в аренду. Дом состоял из трех квартир. В верхнем этаже была одна квартира из трех комнат с кухней, а в нижнем — две квартиры по одной комнате с кухнями.

По плану Сережи Кострикова, под домом надо было вырыть большой подвал для тайной типографии и заселить дом особенным образом.

В верхней квартире надо было поселить небольшую семью в два-три человека, которая была бы известна полиции, как самая благонадежная, и не вызывала бы никаких подозрений. В этой квартире не должно было быть ничего такого, что могло бы скомпрометировать жильцов в случае обыска. В нижнем этаже, в квартире с окнами на улицу, надо было поселить такую же семью, но эта семья должна была держать связь с партийным комитетом, доставлять в типографию бумагу и выносить из типографии уже напечатанные прокламации.

Наконец, в третьей квартире, с окнами во двор, надо было поселить какую-нибудь одинокую, тихую, незаметную женщину.

В этой квартире должен был быть такой хитрый ход в подполье, чтобы самый ловкий шпик не мог его обнаружить. И в этой же квартире — уже тайно, без прописки в полиции — должны были жить сами работники подпольной типографии.

РОЮТ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

В середине мая рано утром в этот дом пришли четверо бравых рабочих с топорами и лопатами. Под видом ремонта они вскрыли полы в нижнем этаже и стали рыть подвал.

Этим делом занялись трое: Сережа Костриков, Михаил Попов и Герасим Шпилев, а четвертый — Егор Решетов — взял на себя подвоз кирпичей, столбов, бревен и досок для стен.

Землекопам предстояла большая работа. Надо было вырыть подземелье в двенадцать метров длины, шесть метров ширины и пять метров глубины, то есть выбросить во двор около двадцати тысяч пудов земли — целую гору. Такая гора могла сразу провалить все дело. Она могла вызвать любопытство прохожих. Что это за гора? Подвал роют. А зачем такой громадный? Нет, тут что-то не так! И дойдут разговоры до самой полиции.

Но подпольщики тоже не лыком шиты. Они разравнивали землю по всему двору и засевали овсом, который быстро разрастался пушистым ковром.

Подпольщики жили очень замкнуто и никуда не выходили. Только Решетов, наименее известный полиции, сносился с комитетом, бегал в трактир за обедом и в лавочку по соседству за всякой мелочью. С раннего вечера заваливались спать на сеновал и вставали вместе с солнцем.

Сережа очень ловко выбрасывал через голову в окно землю лопатой, но с непривычки скоро набил себе кровавые мозоли. Иногда всю ночь не мог заснуть от боли. Сидит на сеновале и покачивается, чтобы унять проклятую боль.

Товарищи уговаривали его переменить работу, заняться вместе с Решетовым плотничьим делом, но Сережа знал, что земляные работы — самые важные и самые спеш-

ные, и наотрез отказался. Он обмотал себе руки разорванной рубахой, надел кожаные рукавицы и продолжал работать наравне с Герасимом Шпилевым, неутомимым землекопом.

Через месяц подвал был вырыт. Однажды к товарищам пришла Газина, мнимая хозяйка дома, как бы для расчета с рабочими и для осмотра работ. День был воскресный — праздник, а в праздники подпольщики никогда не работали, чтобы соседи не заинтересовались: почему это рабочие работают в праздники? И что это за люди такие? С чего это у них усердие такое?

Мнимая хозяйка и мнимые рабочие стояли в доме у окна и радовались, что вот уже скоро и делу конец. Вдруг послышался шум, дом дрогнул и поехал вниз. Что такое?

Все растерялись. Не растерялся только Сережа Костриков, который в опасные моменты всегда отличался особенной находчивостью. Быстро смекнув, что это обвалилась земля в подвале и дом оседает, он сбежал вниз, во двор, схватил толстую плаху и подпер ею бревенчатый дом. Вслед за Сережей выбежали и другие товарищи и укрепили плахами стены.

Три дня потом подпольщики выбрасывали из подвала обвалившуюся землю и домкратами поднимали осевший угол. После этого работа пошла быстро.

В подвале установили большую чугунную печь, поставили столы, стулья, два реала, наборные кассы и самодельный печатный станок. Потом устроили потолок, навалили на него целый метр земли, утрамбовали ее, чтобы ни звука не доносилось из подполья, поверх земли настелили пол первого этажа, и все было готово. Оставалось изобрести сигнализацию и устроить тайный ход. И то и другое опять-таки придумал хитрый механик Сережа Костриков.

Прежде всего решили ворота держать всегда на запоре,

Неуловимая подпольная типография в Томске, построенная Кировым, Поповым и Шпилевым. (Рис. худ. Кузьмина.)

а во дворе посадить на цепь пса, чтобы он лаял, как только брякнет засовом калитки чужой.

Но этого мало. В подвале устроили электрический звонок. Провода от него провели под штукатуркой в прихожую верхнего этажа и соединили с металлической вешалкой. Если повесить на вешалку пальто или шапку, так тотчас же в подземелье, внизу, начнет дребезжать звонок, извещая подпольщиков о том, что пришел незнакомый. А знакомые все знали, что на вешалку никаких вещей вешать не полагается: не для того она сделана! Кроме того, по те-

леграфной азбуке с помощью коротких и долгих нажимов на вешалку можно было передать подпольщикам со второго этажа все что угодно.

— Ха-ха-ха! — смеялся всегда веселый и жизнерадостный Сережа. — Вот приходит к нам пристав с городовыми, входят наверх с обыском — хлоп картуз на вешалку. И сам же, дурак, дает знать: держи, мол, ухо востро!

Труднее всего было сделать тайный ход в подполье, и сделали его вот как. В обеих квартирах нижнего этажа были вырыты совершенно одинаковые погреба — подполья, в какие обычно ставят кринки с молоком, бочки с кислой капустой и всякой всячиной. В подполье той квартиры, где должна была жить одинокая жилица, одна стена была сделана в виде огромного ящика, туго набитого землей. Ящик этот двигался на роликах в сторону соседнего погреба. Когда вход в типографию был закрыт, никто и предположить не мог, что в этом погребе таится какой-то секрет: обыкновенный погреб со стенами, обшитыми досками. Но стоило только знающему человеку вынуть в углу подполья из столба сучок, сунуть в него особый ключ и толкнуть стену-ящик, как она откатывалась на роликах и открывала вход в подпольную типографию.

Типография уже могла приступить к работе. Оставалось только отремонтировать верхнюю квартиру и поселить жильцов. Но тут вдруг все круто изменилось.

ГДЕ ЖЕ ТИПОГРАФИЯ?

Однажды темной ночью Попов и Костриков шли по улице и увидели две темные фигуры. Двое каких-то незнакомцев покрутились около дома врача и перепрыгнули через забор в сад. Думая, что это просто жулики, Попов и Костриков решили поймать их. Они прибежали к се-

бе домой, перелезли через забор в сад, обыскали его вдоль и поперек, но никого не нашли. Пошли к хозяину дома и сказали ему об этом. Тот всполошился, спустил с цепи собак, вместе с кучером и сторожем обыскал весь сад и тоже никого не нашел.

Во время поисков горничная врача с особенной настойчивостью уверяла, что это пустая тревога, что не было никого; если бы кто перелез через забор, так она первая услышала бы.

Когда врач рассказал об этом подпольщикам, они сейчас же догадались, что эти темные люди — не жулики, а сыщики из охранки, — наверное, и горничная того же поля ягода.

Прошла ночь. Наутро подпольщики ремонтировали верхний этаж. Вечером к ним пришел товарищ, только что приехавший из Питера. Они проговорили с ним всю ночь, а в пять часов утра вдруг раздался грохот на весь дом: кто-то стучал в дверь.

Подпольщики посмотрели в окно и увидели, что дом окружен жандармами, полицией и солдатами. Открыли дверь. Вошел пристав с полицией, и начался обыск.

Обыск длился весь день. Пристав вызвал саперов. Саперы по всему двору рыли ямы, разрыли погреб, вскрыли полы в доме, взрыли землю на целый аршин и не нашли не только типографии, но и малейших следов ее.

Полицейские были в бешенстве. Они точно знали, что в этом доме есть типография, а вот где она? Тут, а не могут найти! Подпольщики торжествовали и смело могли гордиться своей искусной работой.

Их арестовали и под усиленным конвоем полиции отправили в тюрьму, а в доме устроили засаду и снова три дня искали, рыли, выстукивали стены и снова ничего не нашли.

ТЮРЕМНАЯ «РЕСПУБЛИКА»

Трех друзей — Попова, Шпилева и Кострикова — жандармы привезли в контору секретного корпуса томской тюрьмы. Начальник тюрьмы узнал Михаила Попова, который уже сидел здесь, и, улыбаясь, спросил:

— Ну-с, господин Попов, в какую хотите камеру?

Друзья посоветовались. Расположение тюремных камер они знали хорошо и выбрали ту, что находилась в центре тюрьмы, в середине фасада.

— Отлично-с.

Начальник отдал распоряжение тюремному надзирателю провести заключенных в камеру.

Старик-надзиратель, бряцая ключами и шашкой, повел их по длинному коридору. Он ворчал, словно жалуясь:

— Что это?.. Нешто это тюрьма? Не тюрьма, а республика!

И в самом деле, в тюрьме пошли новые порядки, странные и не привычные для старого тюремщика.

В шесть часов утра, после поверки, двери всех камер открывались настежь, и заключенные могли ходить по всем коридорам и камерам, как в гостинице. И только вечером, после поверки, заключенные расходились по своим камерам и их запирали на ночь.

Тюрьмы в то время были своеобразным барометром политических событий. Как только революционное движение начинало крепнуть, так сейчас же хитрое тюремное начальство, опасаясь дальнейших побед революции, начинало заискивать перед заключенными и смягчать обычно крайне суровый тюремный режим. Но лишь только затихала революция, так сейчас же в тюрьмах водворялись прежние порядки с карцерами, избиениями и расстрелами заключенных.

Арест Сережи Кострикова, Попова и Шпилева как

раз совпал с подъемом революции. В Петербурге только что была созвана первая государственная дума, кое-где снова начались демонстрации и стачки рабочих, революционные веянья крепли, угрожая превратиться в бурю, и томские тюремщики, как опытные мореплаватели, решили ослабить тюремный режим.

Тюремщики хитрили, прикидывались добряками: «Дескать, вот кричат, что мы палачи и насильники, а заключенные сущие мученики. Это мы-то?.. Ай-ай-ай! Да какие же мы палачи-насильники? Смотрите, какая свобода у нас. Не тюрьма, а гостиница. Сидеть в такой тюрьме — одно удовольствие. У нас никаких притеснений-с...»

Первое время заключенные и в самом деле почти не чувствовали никаких притеснений. Только вечерами, когда запирали их в камерах, становилось несносно. За решеткой — лето, луна, в раскрытые окна льется бодрящая свежесть, пахнет лесом. В камерах — все молодежь, хочется петь не в одиночку, а всей тюрьмой, хором. Начнут петь — и все вразброд, — плюнут с досадой и смолкнут. Ничего не выходит.

Нужен дирижер, чтобы вступали все сразу. А как тут дирижировать? Певцы разделены толстыми стенами, в окно высунуться нельзя — решетки мешают. Как тут наладить хор?

У Сережи Кострикова был очень хороший голос. Он был страстным певцом, и он-то больше всех думал, как бы это так устроить, чтобы все заключенные могли петь хором.

И придумал. Поставил лампу на стол, сам встал на табуретку между лампой и окном, и вот за окно на белую стену тюремной ограды упала огромная тень. Все тюремные окна выходили во двор, и тень Кострикова была видна из всех камер. Вот тень вскинула руки, и они застыли в неподвижности. Все притихли. Тень энергично взмахнула

руками, и вся тюрьма разом и стройно запела «Вихри враждебные веют над нами».

Песня переплеснулась за решетки камер и поплыла в даль, в звездную ночь.

Тюремщики, конечно, ненавидели все эти новшества, все эти «свободы» тюремной «республики» и терпеливо выжидали удобного момента, чтобы сокрушить «свободы» и привести тюрьму «в порядок».

К осени политическая погода в России резко изменилась. Государственную думу царь разогнал, и повсюду началось жестокое искоренение «крамолы»: аресты, ссылки, расстрелы. Томские тюремщики воспрянули духом: «Ага! Наша берет! Нам бы теперь небольшую зацепочку, а там уж мы приберем вас к рукам, дорогие товарищи!» Вскоре нашлась и «зацепочка».

В тюрьме в то время сидел большевик — типографский рабочий Марк Коган. Одновременно с ним была арестована и заключена в женскую тюрьму его жена. У нее со дня на день должен был родиться ребенок. Марк Коган волновался, беспокоился о ее здоровье.

Заключенные потребовали, чтобы начальник тюрьмы разрешил Когану раз в неделю говорить с женой по телефону в присутствии надзирателей, конечно, и чтобы в остальные дни дежурные помощники начальника тюрьмы узнавали по телефону, как себя чувствует заключенная, и сообщали о состоянии ее здоровья Марку Когану. Начальник согласился. И все шло хорошо. Тюрьма живо интересовалась всем этим делом. Заключенные ждали, когда же, наконец, появится на свет новый человек.

Сережа Костриков любил ребят и чаще других заботливо спрашивал:

— Ну, как, Марк, не родился еще малыш? Ну, ничего, потерпи, родится, — успокаивал он без меры волновавшегося папашу.

В то время одним из помощников начальника тюрьмы был старик Левинский, пьяница, бывший офицер. У него была дочь, которая сочувствовала революционерам.

Заключенные организовали с ее помощью переписку с волей следующим оригинальным способом.

Когда Левинский приходил в камеру, заключенные обступали его тесной толпой, тормошили, балагурили, расспрашивали про всякий вздор и незаметно всовывали ему записку или в карман, или за обшлаг рукава. Тюремщик, ничего не подозревая, уходил домой и уносил с собою записку, которую дочь его потом вынимала.

Как-то во время дежурства этого Левинского Коган спрашивает его:

— Ну, как моя жена? Звонили к ней?

— А как же, только что звонил,— ответил Левинский.

— Ну, что она?

— Да она уже родила.

— Да что вы! Мальчика? Девочку?

— Мальчонку, мальчонку родила.

— Ура! У Когана сын родился! — пронесся по тюрьме радостный крик.

Заключенные окружили счастливого папашу, подхватили его и на радостях начали качать, подбрасывать в воздух.

— Поздравляем! С наследником, Марк!

Марк, счастливый и взволнованный, потребовал, чтобы ему сейчас же разрешили поговорить по телефону с женой.

— Ну, вот выдумали тоже,— заворчал Левинский.— Разве это можно? Женщина больная, только что родила. После родов девять дней лежать надо. А вы ее беспокоить хотите. Выдумали тоже...

— Верно, верно, Марк! Не стоит ее сейчас беспокоить.

Марк согласился. Левинский ушел.

А заключенные, обнимая и тиская Марка, продолжали

поздравлять его с новорожденным. Тюремная жизнь однообразна и бедна происшествиями. А тут вдруг такое событие, как рождение человека в необычной обстановке, в тюремном застенке. Этот новый человек—маленький Коган—как-то разом наполнил жизнь заключенных. Они говорили о нем, думали о нем и так свыклись с мыслью о том, что он где-то тут рядом уже существует, что без него не могли себе и представить свою тюремную жизнь.

На другой день Левинский уехал в тайгу, где на тюремном участке заключенные уголовные жгли уголь. Вместо Левинского на дежурство пришел другой помощник начальника тюрьмы. Коган уже ждал его с нетерпением. И как только он вошел, Коган тотчас же попросил его сейчас же позвонить в женскую тюрьму и узнать, как здоровье жены и здоров ли сынишка.

Дежурный помощник ушел звонить в контору; вскоре он вернулся и сказал:

— Да все попрежнему, не родила еще.

— Как не родила? А сынишка-то?

— Да никакого сынишки нет. Откуда же он возьмется, если она еще не родила?

— Да как же так?.. А Левинский-то...

Это известие ошеломило и Когана и всех его товарищей.

Что же это? Значит, Левинский врал, издевался над ними.

— Подать сюда Левинского! — возмущенно завопила вся тюрьма.

— Да нет его. Уехал на два дня за тридцать верст в тайгу.

— Пусть сейчас же явится, иначе объявим бойкот.

— Да как же он явится, он же за тридцать верст...

— Послать за ним! Это же издевательство! — кричали заключенные.

Дежурный побежал за начальником тюрьмы. Тот пришел и начал увещевать и всячески оправдывать Левинского:

— Все это пустяки, господа, и нечего волноваться. Левинский мог не расслышать по телефону, наконец, перепутать. Все может случиться... Вот через два дня приедет Левинский, и мы разберем это дело.

Но заключенные настойчиво требовали:

— Сейчас же подать сюда Левинского!

— Ну, хорошо, — сказал начальник тюрьмы, видя, что его мирные увещевания не оказывают никакого действия на заключенных, возмущенных бессмысленным издевательством Левинского, — хорошо, я сейчас же пошлю за ним. Вечером он будет здесь, а вы успокойтесь и не нарушайте тюремных порядков.

Заключенные согласились и успокоились. А начальник тотчас же послал в тайгу нарочного за Левинским. Вечером Левинский в сопровождении начальника тюрьмы и надзирателей вошел к заключенным.

— Вон, вон его! Прочь из тюрьмы! — закричали заключенные. — Если его не выгонят сейчас же со службы, мы перевернем всю тюрьму.

Начальник тюрьмы наотрез отказался уволить Левинского. Тогда заключенные потребовали к себе прокурора.

На другой день приехал прокурор и стал отечески увещевать их, как прежде увещевал начальник тюрьмы.

— Чего вы волнуетесь, господа? Из-за каких-то пустяков. Старый человек, ну, поленился позвонить по телефону и брякнул, не подумав... Ну, что тут такого? Ведь жена господина Когана все-таки родила, и благополучно, это уж я вам могу сообщить. Только не сына, а дочку.

Но эта весть уже была отравлена ложью Левинского. Было досадно, и эта досада еще больше увеличивала возмущение против Левинского.

— Мы требуем, чтобы его удалили из тюрьмы!

— Ну, это уж каприз, и этого не будет-с, — сказал прокурор и ушел.

Если бы все эти события произошли на два, на три месяца раньше, то Левинского, конечно, без всякого сожаления убрали бы из тюрьмы (его и убрали впоследствии), но тут и начальник тюрьмы и прокурор заупрямились, потому что эти разногласия с заключенными им нужны были как повод, как «зацепочка» для разгрома тюремных «свобод» и восстановления прежних порядков.

Вечером заключенные разошлись по камерам. Пришли надзиратели, началась поверка. Надзиратель по списку выкликал фамилии: «Попов здесь?» — молчание. «Костриков Сергей здесь?» — опять молчание. Надзиратель выкликает — заключенные молчат. Поверка сорвалась.

На другой день заключенные, проснувшись поутру, сунулись было в двери камер, полагая, что они, как всегда, уже отперты, но двери оказались запертыми. Бросились к окнам, чтобы поговорить об этом с товарищами — соседями по камерам, но под окнами уже стояли солдаты с винтовками.

— С окон долой! Не разговаривать!

Что же это значило? Да то, что тюремная «республика» кончилась, что «свободы», отвоеванные когда-то заключенными, отняты. Это возмутило заключенных. Они решили отстаивать свои права и протестовать. А протестовать они могли одним только способом — нарушая тюремные порядки шумом и грохотом.

И вот во всех камерах поднялся сильнейший стук и грохот, словно рушилась тюрьма. Заключенные стучали в двери, ломали табуретки, столы, кровати, выбивали стекла. Тюремное начальство заметалось по коридорам от камеры к камере. Заключенные свистели и кричали.

Начальству пришлось удалиться.

Во дворе под окнами послышались грозные окрики:

— Прекратить безобразия! Стрелять будем!

Стук и грохот в камерах не прекращались и даже усилились. Тогда солдаты по команде офицера вскинули ружья и стали стрелять в окна камер.

Окна в тюрьмах расположены высоко, почти под самым потолком. Пули свистели над головами заключенных, впивались в потолок, но не могли причинить никакого вреда, разве только осыпать головы штукатуркой. Заключенные, не обращая внимания на выстрелы, продолжали свое дело.

Попов, Шпилев и Костриков переломали в камере все, что в ней было, наконец, разобрали печь и кирпичами стали со всей силой бомбардировать дверь. Вскоре дверь треснула, в коридор полетели обломки досок, кирпичи и щепки. Бравые бомбардиры ринулись было из камеры в коридор, но в разломанную дверь тотчас же всунулась солдатская винтовка с блестящим штыком, и послышался грозный окрик:

— Стой! Стрелять буду!

Пришлось отступить и смириться. Солдаты заняли весь коридор, окружили тюрьму. Явилось тюремное начальство и ужаснулось, увидев, в какие развалины превратили заключенные свои камеры за короткое время.

Тюремщики не ожидали такого единодушного отпора и вынуждены были снова пойти на уступки. Они предложили заключенным или забыть о прежних «свободах» и подчиниться суровому режиму, который они теперь восстанавливали в секретном корпусе, или же перейти в другой корпус — в так называемый «красноярский барак» на больничном дворе. В «красноярском бараке» было всего лишь две больших камеры: заключенные могли свободно общаться друг с другом, и таким образом они не теряли тюремных «свобод».

Заключенные посоветовались и перешли в «красноярский барак». А в опустевший и полуразрушенный секретный корпус пришли столяры, штукатуры, печники и стекольщики и стали ремонтировать камеры для новых узников.

В камере № 1 «красноярского барака» поместилось сорок три человека. Среди них были Сережа Костриков, Попов и Шпилев. Друзья и раньше в секретном корпусе много читали, много учились, а тут они организовали кружок по самообразованию, в котором участвовала вся камера.

Сережа считал, что тюрьма должна быть университетом для заключенных. Заключенные не должны терять даром времени: они должны учиться, пополнять свои знания. И он сам усердно учился и охотно помогал малограмотным рабочим — товарищам по камере — изучать «Капитал» Маркса.

В кружках, конечно, не все занимались с одинаковым рвением; к тому же, когда в тесной камере сорок три человека, то шум неизбежен; он никогда не смолкал и очень мешал читать и учиться. И вот, по предложению Сережи Кострикова, несколько человек, которые учились особенно усердно, решили превратить ночь в день. Ночью, когда заключенные засыпали и в камере водворялась относительная тишина, Сережа Костриков и его товарищи читали «Капитал», изучали немецкий язык, а утром, когда камера наполнялась шумом и говором, они ложились спать и спали до обеда.

Так они прожили в «красноярском бараке» два месяца. Но и ночами под храп спящих товарищей все-таки трудно было учиться, и Сережа Костриков вместе с Поповым и Шпилевым решили добровольно перейти в секретный корпус. Там было тише, и втроем в одной камере можно было с большим успехом изучать труды Карла Маркса.

ТЮРЕМНЫЙ ЖУРНАЛ

Костриков, Шпилев и Попов просидели в тюрьме семь месяцев. Их часто таскали в жандармское управление и нудно допрашивали, где типография. Но они отвечали, что не знают никакой типографии и никогда этим делом не занимались.

Друзья не унывали. Они даже в тюрьме умудрились организовать тайную типографию и печатать журнал «Тюрьма». Как же это им удалось? В тюрьме была аптека и был зубной врач, который сочувствовал революции. Через этого-то врача неунывающие узники достали желатин, глицерин и всякую всячину. В аптеке на спиртовке сварили состав для гектографа. На этом гектографе и печатали журнал; в нем были статьи, фельетоны и тюремная хроника. Журнал через уголовных передавали на волю, в город.

Студенты Томского университета, получив этот журнал, решили продавать его в пользу политических заключенных. А в университете в то время учился — не действительным студентом, а вольнослушателем — помощник начальника тюрьмы. Ничего не подозревая, он купил однажды журнал и остолбенел. Что такое? У них в тюрьме печатается крамольный журнал?! Он сунул журнал в карман, побежал к начальнику тюрьмы и доложил ему об этом.

В ту же ночь в камеры политических заключенных явился начальник с толпой надзирателей.

— Где у вас гектограф?

— Какой гектограф?

— Что-о? А на чем вы печатаете вот этот гнусный журналишко? — кричал начальник, размахивая тюремным журналом.

Подпольные издатели молчали и посмеивались. Начался обыск. Всех заключенных перегнали в одном белье

Дело и фотография С. М. Кирова в департаменте полиции.

в барак. В камерах перетрясли все матрацы, подушки. Обшарили щели, дыры — и ничего не нашли.

А гектограф и журналы хранились в уборной. Там была печь. «Издатели», вынув кирпичи под самым потолком, засовывали в дыру гектограф и бумагу, потом вкладывали кирпичи на место и затирали швы мелом.

Заключенные много читали, занимались в кружках, пели песни, а когда до тошноты надоедала камера с клопами и вонью параши, они иногда ходили в церковь, чтобы размять ноги, тишком поговорить с товарищами из других камер и передать через уголовных записку друзьям на волю.

Однажды Костриков, Шпилев и Попов вместе с другими политическими заключенными под конвоем надзирателей пошли в церковь. Пришли, стали парами неподалеку от надушенных дам — жен тюремного начальства, — отделенных от заключенных барьером и цепью надзирателей, и начали, по обыкновению, перешептываться. Тощий попик, услышав это, решил сказать проповедь о безбожии крамольников.

— Вы думаете, они богу пришли молиться? —кричал он, тряся бороденкой и тыча пальцем в подпольщиков. — Это крамольники! Это безбожники!

И вдруг среди церковной тишины раздался звонкий тенор Сережи Кострикова: «Отречемся от старого мира...»

Старый рабочий Иванов подхватил «Марсельезу» густым басом, а за ним и все политические. Надзиратели, ошеломленные такой дерзостью, бросились к ним и оттеснили их из церкви на паперть, вызвали конвойных солдат и с их помощью развели заключенных по камерам.

После этого безбожников уже не пускали в церковь, но и тощий попик, проученный Сережей Костриковым, уже не решался произносить черносотенные проповеди.

Через семь месяцев жандармское управление, так и не сумевшее найти тайную типографию, «за неимением улик» освободило из тюрьмы Шпилева и Попова, а Кострикову припомнили его прежние «дела» и отдали под суд. Суд приговорил Кострикова к трем годам крепости, но потом, ввиду несовершеннолетия «преступника», сократил этот срок до одного года и четырех месяцев.

НЕОЖИДАННЫЙ ОБВАЛ

В июне 1908 года Костриков вышел из крепости. Партийная организация в Томске к этому времени была разгромлена. Прежние друзья и соратники по борьбе с царским правительством разбрелись по Руси, кто куда. Попов отбывал ссылку в глуши Тобольской губернии. Шпилев был на Дальнем Востоке. Одних повесили, другие бежали за границу.

Костриков не мог оставаться в Томске: его знали все шпики. В надежде наладить прежние связи он уехал в Иркутск, где рабочих всегда было больше и где большевистская организация была многочисленней и крепче.

Но не прожил он в Иркутске и двух месяцев, как в Томске полиция неожиданно открыла тайную типографию на Аполлинариевской улице и стала разыскивать Попова, Шпилева и Кострикова.

Но как же удалось открыть то, что столько лет оставалось тайной?

А вот как. После ареста подпольщиков полиция заселила дом с тайной типографией городовыми. Почти четыре года жили городовые и благодушно распивали чаи, не подозревая, что таится под ними. И как-то совсем уже забыли и о подпольщиках и об их типографии. Да и была ли она? Может быть, так только, фальшивые слухи? Ведь саперы

С. М. Киров с группой томских рабочих, среди которых он начинал революционную работу.

искали и то не нашли. Да скорей всего ее вовсе и не было.

Время шло. Балки в подполье все больше и больше подгнивали от сырости. И вот однажды городовой, живший в нижнем этаже, с ужасом почувствовал нечто вроде землетрясения. Что-то глухо ухнуло под полом. Пол зашатался. Рухнула печь, и весь дом пополз куда-то вниз. Городовой в панике выскочил во двор.

Что такое? Дом провалился! В какую-то яму! Да что же это за яма? Кто подрыл?

И городовой и все начальство так крепко забыли о подпольной типографии, что, когда городовой доложил о

«случившемся случае», сначала решили, что это подполье вырыли не иначе как фальшивомонетчики. А их в Сибири в то время было очень много.

А все-таки, что же это за подполье такое? Пригнали пожарных. Пожарные раскатали развалившийся домишко по бревнам и нашли в подполье столы, стулья, чугунную печку и какой-то станок.

Ну да, это фальшивомонетчики! У них всегда так! А это что за штука? Какой-то вал. С виду немудрящий, а не подымешь, — в нем, поди, пудов десять. Фальшивомонетчикам это без надобности. Э-э, да уж не тайная ли это типография?! Слухи-то, может, и правильные были. А позвать сюда заведующего городской типографией! Он это дело в точности знает.

Пришел эксперт, заведующий типографией. Осмотрел и сказал, что вал хоть и самодельный, а типографский. И станок типографский. Значит, тут была когда-то типография.

«ТОТ БЫЛ ИЗ ПРОСТЫХ-С...»

Полиция тотчас же дала знать по телеграфу в Тобольск, в Иркутск и на Дальний Восток. Попова и Шпилева арестовали, привезли в Томск и судили за организацию тайной типографии, а Кострикова в Иркутске не нашли. Он, как только услышал, что в Томске провалился дом с типографией, сейчас же уехал на другой конец России, во Владикавказ, и под фамилией Кирова поступил на работу в редакцию газеты «Терек».

Там он хорошо зарабатывал, обзавелся костюмом, пальто, шляпой. Стал заправским журналистом, но тайно продолжал вести партийную работу.

Полиция искала его три года; наконец, напала на след, арестовала и привезла из Владикавказа в Томск — судить.

На первых же допросах, когда жандармы предъявили ему обвинение в том, что он, Сергей Миронович Костриков, в 1906 году совместно с Поповым, Шпилевым и Решетовым организовал в Томске подпольную типографию, он категорически заявил, что в Томске никогда не бывал, а, следовательно, и понятия не имеет, о какой такой типографии идет речь. Его предали суду. Но и на суде он настойчиво утверждал, что в Томске он никогда не был.

— Так вы не признаетесь? Нет? Хорошо-с! Позвать сюда свидетеля! Сейчас мы установим вашу личность...

В зал суда, звеня шпорами, вошел пристав Ляшков— тот самый, который когда-то в пять часов утра арестовал Кострикова, Попова и Шпилева в доме на Аполлинариевской улице.

«Ну, завалит, подлец!» подумал Сергей Миронович.

Пристав тупо таращил глаза на Сергея Мироновича, выбритого, отлично одетого и со шляпой в руке, и как-то сразу увял.

— Тот? — спросил его судья. — Вы арестовывали этого человека?

Пристав тупо таращил глаза на Сергея Мироновича, а Сергей Миронович с насмешливой улыбкой смотрел на него.

— Н-нет! Не тот-с! Тот был из простых-с...

Пристав не узнал Кострикова. И немудрено! Шесть лет назад, когда он арестовывал Кострикова, тот был в грязной косоворотке с расстегнутым воротом, небритый, а теперь перед ним стоял хорошо одетый господин.

Суд освободил Кострикова. Он вернулся во Владикавказ и снова принялся за партийную работу.

Впоследствии, рассказывая друзьям о том, как не узнал его пристав, Киров весело хохотал и говорил:

— А все-таки этот болван по-честному признался, что я — не я и он никогда меня не видел.

НА БЕРЕГАХ ТЕРЕКА

Что за река Терек?

Когда глядишь на нее в Дарьяльском ущелье, то кажется, что течет не холодная горная вода, а кипяток — не сунь туда руку, ошпаришь! До того тут река взбаламучена, до того шумлива! Вода бежит по каменистому дну, бросается на каменные гряды, вся взлохмаченная, напряженная, стремительная. И не пробуй вброд переходить такую реку, не гляди лучше в горную воду: она закружит, опрокинет и с яростью начнет бросать, бить о камень.

Какова река, таков и народ, живущий на этой реке: народ беспокойный, настороженный. Двадцать восемь разных народов насчитывали по Тереку, и каждый народ бурлил по-своему, каждый готов был опрокинуть и разбить всякого, кто покусится на его свободу.

Сто лет назад двинулись войска русского царя на завоевание Кавказа. Горцы защищались до последнего, но не устояли против пушек и обученного регулярного войска. Кровью залил русский царь аулы и селения.

Царское правительство отняло у терских народов лучшие земли и поселило на них казаков, а осетин, ингушей, чеченцев загнало в горы, на дикие скалы. Так «белый царь» покорил кавказские народы.

Если бы эти народы столковались да двинулись разом на общего врага... Но этого-то и не хотело царское правительство: оно натравливало осетин на ингушей, балкарцев на кабардинцев... Для постоянного присмотра за чеченцами и за кабардинцами на Тереке правительство поселило казаков. Они так и назывались: терское войско. Казаков поддерживали при случае войска из центра России. У них были пушки, а против пушек горцы не могли устоять. Приходилось отступать, затаив ненависть. Все горские народы ненавидели терских казаков, но... каждый поодиноч-

ке. Как тут броситься всем скопом на общего врага, если между собой еще не поладили?

В семнадцатом году, после революции, оружия в аулах стало, как в арсенале. Все было: и винтовки, и пулеметы, даже пушки.

Возникли фронты. На войне научились драться по-серьезному: вырыли окопы и сидят — станица против станицы, аул против аула. Трещит перестрелка. Дрались, главным образом, против казаков и в то же время между собой. Карту фронтов немыслимо было составить — такая путаница была. Так и называли: «слоеный пирог фронтов на Кавказе».

В Петрограде и Москве разговору никакого не было о национальной розни. Рабочие знали, что надо бить белых и защищать советскую власть. А в Терской области трудовой народ все еще не знал, где его настоящий враг.

А настоящий враг не спал и собирал свои силы. Казачьи генералы и офицеры формировали войско, чтобы захватить власть на Тереке.

Киров с начала Февральской революции был на Тереке. В то время немного там было большевиков, небольшие группы в Пятигорске, в Грозном, во Владикавказе, в Георгиевске.

Но это были боевые и решительные люди. Среди руководителей большевиков там был Серго Орджоникидзе; с ним в тесной дружбе работал Киров. Работали там такие люди, как Буачидзе и Маркус, — их убили белые в гражданской войне.

Киров делегатом от рабочих Владикавказа ездил в Петроград на Всероссийский съезд советов. В октябрьские дни он бился с юнкерами в Питере. Когда рабочие взяли власть в Петрограде и Москве, он вернулся на Терек.

Перед большевиками Терека встала задача организовать в Терской области советскую власть. Легко сказать:

С. М. Киров на фронте в 1918 г.

организовать! Двадцать восемь народов! Кипит драка. А большевиков немного, да и те — кто в Грозном, кто в Пятигорске.

В начале 1918 года по области собирались съезды трудовых народностей. На съезде в Пятигорске, который

твердо вели большевики с Кировым во главе, делегаты объявили себя властью трудового Терека. Выбрали народный совет и выделили Совнарком. Это была уже советская власть.

Столицей области был Владикавказ, и решил съезд в полном составе перебраться в этот центр. Но это было не так просто: в столице — офицерские сотни, которые наверняка без боя ее не уступят.

ПРОТИВ ОБЩЕГО ВРАГА

Выходило, что ехать в свою столицу — значит ехать воевать. Но к этому кавказцам не привыкать. Весь съезд: чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы и русские — трудовые казаки, — все шестьсот представителей трудового населения сели в вагоны, вывесили на поезде красные флаги, и съезд двинулся к Владикавказу.

Поезд идет. На протяжении двадцати восьми километров, от Пятигорска до Владикавказа, стоят пикеты рабочих Курской и Молоканской слободок Владикавказа. Они охраняют съезд.

Приехали, вошли в город. Сумерки. Из одного дома, на площади у вокзала, раздалось несколько выстрелов. Кто стрелял? Скорей всего казачьи офицеры. Но съезд встретили рабочие слободок, и никто больше стрелять в делегатов не посмел.

Съезд заседал во Владикавказе, в кадетском корпусе. Корпус обнесен каменной стеной. Совет заседает в здании, а во дворе толпится народ — и все группами. Уже по одному тому собирались группами, что не у всех один язык. И получилось, что стоят во дворе группы ингушей, группы чеченцев, осетин.

Члены съезда заседают; в президиуме — Киров. Вдруг

слышат шум, будто кричат — нет, не кричат, а вопят и мужчины и женщины, и все громче и громче.

Заседание прервали, все бросились на крыльцо и видят, что огромная толпа народа запрудила весь двор; за воротами по дороге тянется еще народ. Люди кричат, машут кулаками, а вот и кинжалы вытащили. Впереди, у самого крыльца, стоят несколько арб, на арбах—голые трупы осетин. У всех отрезаны уши.

Нет хуже надругательства на Тереке, как отрезать у покойника уши. Такую обиду никогда не простят! Месть за это — из рода в род, и нет пощады виновнику! А тут оскорбление нанесено всему осетинскому народу. Кто отрезал уши? Ингуши. Кто задумал устроить все это? Кто виноват в этом надругательстве над трупами?

Кто это так ловко подстроил, что арбы подоспели как раз к заседанию съезда?

Ведь это все равно, что сунуть головню в приготовленный костер.

Ингуши — члены съезда — побледнели, сбились в кучу, держат руки на рукоятках кинжалов.

Один миг — и все взорвется. Вот поднялся еще выше возмущенный рев... Сейчас, сейчас...

Но тут перед этой ревущей толпой появился Киров.

Хоть годами Киров был еще молод, но слово его тогда было уже велико.

И затихли на миг люди гор, стоят неподвижно, держась за ножны кинжалов.

— Кто сделал это гнусное дело? — спрашивает Киров. — Ингуши? Да, ингуши.

Ингуши напряглись и приготовились к защите.

— Да, ингуши, — повторил он. — Но какие ингуши? Эти ли вот, члены народного съезда, представители трудового народа, идущие вместе с вами навстречу вольной трудовой жизни, или другие ингуши, слепые от старых обы-

чаев, которых враг послал убивать соседей и братьев, вложив им в руки кинжал?

Выклевывать ли глаза друг другу должны горные орлы, слетевшиеся под одну кровлю для мирного совета, или соединиться в одну могучую стаю горных народов, чтобы отбиться от общего врага?

Пусть народный совет поручит мне, человеку, которого вы знаете, и представителям народа, у которых нет с вами вражды, пойти на фронт, к воюющим ингушам и осетинам, остановить бой, взять представителей фронтов в совет — пусть съезд народов рассудит, кто прав из них, кто виноват.

Женщины еще кричали и рвали на себе волосы, но мужчины вдруг утихли: кинжалы остались в ножнах, винтовки повисли на ремнях. А Киров и четыре члена съезда — кабардинец, балкарец и еще двое нейтральных, — не медля ни минуты, пошли к воюющим селениям.

Вышли из города. Вот и селения. Слышат — стрельба. Подходят ближе, видят — линия окопов с одной стороны, линия — с другой. Все, как полагается на большой войне. С одной стороны ингуши, с другой — осетины.

Киров вынул из кармана белый платок и пошел открытым полем туда, где свистели пули. Он шел и махал платком. За ним — четыре члена съезда.

Все знали: на Кавказе свято чтут военные обычаи; убивать парламентера — позор. Но в это горячее время обычаи плохо соблюдались, и ходить между фронтами, хотя бы и с белым флагом, — дело опасное. Однако, итти нужно было не из удали, а просто потому, что иначе не примирить воюющих. Киров пошел, не задумываясь. Он шел спокойно между линиями окопов, выстрелы стали реже, но не прекратились совсем. Пулей, пущенной кем-то, убило одного парламентера, нейтрального балкарца.

Киров подходил к ингушам, забирался в окопы, гово-

Дом, где жил С. М. Киров.

рил с осетинами. Так он ходил по фронту, пока не остановил боя. Он добился, чтобы тут же выбрали делегатов, и этих делегатов он привел с собой в народный совет.

— Никогда, товарищи горцы, — говорил им на съезде Киров, — никогда не было такой надежды на свободу горских народов, как теперь, в границах огромной Советской страны.

Слова Кирова были написаны на знаменах, под которыми ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы, ногайцы, караногайцы — все двадцать восемь горских трудовых народов — дрались за советскую власть.

Так Киров примирил племена и направил их против общего врага, — так выполнил он поручение партии.

В КОЛЬЦЕ ФРОНТОВ

Киров снова в Москве, в холодной, голодной Москве 1918 года.

Советская Россия в кольце фронтов.

Под Питером Юденич, на юге Деникин, на севере англичане, на востоке Колчак. С Кавказа, под натиском белых казаков, к Астрахани, по пескам пустыни, отступает XI Кавказская Красная армия.

Москва давно забыла, какое оно, мясо, на вкус, давно не видела сахара, а соль — редкая и дорогая приправа. Хлеб выдают по осьмушке фунта в день (осьмушка, если не забыли, — это всего пятьдесят граммов). Красноармейцы на фронтах раздеты и разуты, а на дворе — январь.

Главное теперь — фронт. Все силы фронту. На фронте Сталин, на фронте Ворошилов, Орджоникидзе, Фрунзе.

Ленин, еще не оправившийся от пули эсерки Каплан, день и ночь руководит из Москвы обороной страны, заботится о хлебе, картошке, работе заводов, борьбе против ти-

фа и вшей, о школах, больницах, армейских сапогах и шинелях, постройке первой электростанции.

С кавказского фронта отходят по пескам пустыни XI и XII армии — триста тысяч бойцов. Они катятся к Астрахани, разбитые белыми. Если их не остановить, их зажмут Деникин с запада, Колчак с востока и отбросят к Каспийскому морю, а в Каспийском море — английские войска на кораблях.

Соединиться и сплошным фронтом драться против Советов — вот боевая задача белых. Взять Астрахань — открыть путь к бакинской нефти. Пока Астрахань у красных — Баку под угрозой. Отрезать флотом Астрахань со стороны Волги, оставить без рыбы советские города — вот ближайшая цель. И белые двинулись на Астрахань.

XI армия отступала к Астрахани голодная и раздетая, без денег, без транспорта. А перед Лениным стоит задача— Астрахань удержать. И не только удержать, но и укрепить. Из Астрахани кинуться на Кавказ, помочь бакинским рабочим прогнать белых и овладеть бакинской и грозненской нефтью. А на Кавказе — войска белых: в Баку — английский экспедиционный корпус, самолеты; на море — военный флот.

Надо послать в Астрахань человека, на которого Ленин и партия могли бы положиться. Надо, чтобы этот человек выполнил труднейшую задачу: остановил бегущую армию, переформировал ее, одел, обул и двинул на освобождение Кавказа от белых.

Нужен человек, знающий Кавказ и которого знают на Кавказе. Надо умного, с крепкой волей, чтобы не заныл, когда зажмет со всех сторон.

Ленин указывает на Кирова. Это такой человек, какой нужен. Кирову дали с собой пять миллионов рублей.

Денег было очень много, и деньги были только царские. Зачем же царские деньги? Советские деньги не везде

еще шли. В прифронтовых и зафронтовых полосах на царские деньги можно было купить не только продовольствие для армии, фураж для лошадей и одежду, но даже винтовки, даже пулеметы. Таким образом, Киров вез с собой — в виде разноцветных бумажек — и оружие, и продовольствие, и фураж.

Кроме Кирова и еще пяти верных людей, никто не знал о том, что экспедиция везет деньги. Ехали с экспедицией еще сорок человек: шоферы, мотористы; экспедицию отправили специальным поездом. Поезд Кирова вез и настоящее оружие и снаряжение для армии. Он весь был уставлен автомашинами, грузовыми и легковыми.

Перед отъездом все ответственные члены экспедиции— Киров, Бутягин и другие — собрались в кабинете у Якова Михайловича Свердлова, председателя ВЦИК. Советовались, как пробраться на Кавказ, что делать по приезде. Свердлов говорил мало.

— Поезжайте, — сказал он. — У вас есть такой руководитель, как Киров, какие еще там указания вам нужны?

Ночью Киров и Бутягин привезли на извозчике три ящика с деньгами, и эшелон двинулся на Астрахань.

В АСТРАХАНИ

Штаб в Астрахани. Армия — за пятьсот километров. С фронта вести все тревожнее. Получено радио от Серго Орджоникидзе: армия бежит, бежит по бездорожной степи.

Тревожно и в самом городе. За два последних месяца было уже два восстания. С минуты на минуту ждут третьего. Каждую ночь ждут выступлений кулацких банд, восстания калмыцких князей, астраханских казаков, эсеров.

В городе тиф. В каждом углу тифозный, все церкви забиты тифозными: на соломе вповалку лежат люди. Про-

С. М. Киров на трибуне (худ. С. Бондар).

снувшийся утром больной находит рядом с собой покойника.

Экспедиции Кирова надо спешить на Кавказ, к армии. Все говорят: туда не пробьешься — армия отступает. Но Киров настойчив: не испытав сам, не верит. Экспедиция выгружается из вагонов, переезжает Волгу. Уже февраль, а это ведь Астрахань — юг. Лед на реке ненадежный. Однако, переправились и выехали в степь.

Киров с Бутягиным и шофером, втроем, на полуторатонке. Там самый ценный груз, но никто о нем не знает. Три ящика стоят в автомобиле, на них пулемет, и тренога пулемета прибита к ящикам — по ноге к каждому ящику. Возьми с бою пулемет, лишь тогда возьмешь ящик с деньгами.

Выехали в степь. Проехали полпути. Дальше ехать нельзя. Навстречу автомобилям — и по дороге, и прямо по степи, без дороги, — бежит отступающая армия. На каждый десяток бойцов — один тифозный. Дорога и степь усеяны трупами. Нельзя преодолеть эту лавину.

Повернули. Поехали другой дорогой, на Яндыки. Бегут навстречу — это с Кизляра на Яндыки. Снова повернули. Вот уже скоро Яндыки. На повороте опрокинуло машину. Один из ящиков оторвался от пулемета, и ночью, чтобы никто не видел, Киров сам переколачивал этот ящик.

К середине февраля 1919 года вернулись на форпост на правом берегу Волги. Нельзя оставаться здесь, нужно переезжать Волгу и до времени спрятать деньги в надежное место, а Волгу переезжать уже опасно: лед совсем ослабел. Сергей Миронович решил пустить сначала одну машину с грузом на пробу — прошла. Пустил вторую, нагрузили ее вдвое — и та прошла.

— Ну, едем, — сказал он шоферу.

Поехали. Уже близко берег. Тут лед стал потрескивать.

— Переключай на большую скорость! — крикнул Киров.

Шофер завозился, на миг машина задержалась, лед треснул, и передние колеса ушли под лед. Машина тонула носом. Киров крикнул шоферу: «Прыгай!» Шофер выскочил из кабины, за ним Киров; Бутягин прыгнул с платформы грузовика, пролетел по льду, а когда оглянулся, увидел только спинку кузова и столб воды, — машина ушла под лед.

Было от чего притти в отчаяние: с машиной, с ящиками утонули и сотни тысяч патронов, тысячи винтовок и пулеметов — все, что можно было бы достать на эти деньги. Утонули надежды на выкуп товарищей из рук английской контрразведки. А тут еще по Астрахани поползли слухи: кто-то разузнал про таинственные ящики, кто-то видел, как Киров их ночью переколачивал; стали говорить, что коммунисты украли миллионы, ночью под Яндыками деньги вынули, в ящики наложили камней, а как доехали до реки, тут же, у берега, машину под лед — и концы в воду.

Не такой человек был Сергей Миронович, чтобы притти в отчаяние. Однако, все же было досадно и беспокойно не за себя, а за деньги, — он решил их добыть во что бы то ни стало.

Слухи вредили делу. Они чернили партию в глазах астраханских рабочих, а момент был такой, что только при полном и крепком доверии к партии можно было спасти положение. Слухи опровергнуть можно было только одним: нужно было вытащить ящики, чего бы это ни стоило и как можно скорей.

Близится весна. Волга вот-вот вскроется, тогда жди, пока пройдет ледоход. Надо торопиться. Вот и торопись: глубина в этом месте большая, а течение такое, что никак не угадаешь, куда оно могло занести эти ящики.

У проруби поставили брезентовую палатку, вызвали водолазную команду.

Ищет она день, ищет другой — не находит. Ходят, ходят водолазы по дну Волги — ни ящиков, ни машины.

У проруби охрану поставили. Киров, не доверяя никому, по очереди с товарищами сутками дежурил в палатке. А когда не дежурил ночью, то все равно утром ходил на Волгу. Беспокойство его одолевало, но это мало кто и замечал, хоть восемнадцать человек в той же комнате жили. Как же заметить, если человек еще шутит над своим несчастьем и поет тенором: «Ты, великая река, не видала ты миллионов от терского казака».

— Что, Бутягин, миллион-то подарил? Терской казак!

В Астрахани их все считали «терскими», потому что они на Тереке воевали.

А водолазы все ходят по дну. Наконец, наткнулись на машину, вытащили ее лебедкой, а ящиков-то в ней нет. Машина перевернулась, и ящики унесло теченпем.

Сергей Миронович не выдержал: надел на себя водолазный костюм, полез под воду. Никогда водолазом не был, но уж если такое дело... Ходит под водой, настойчиво ходит.

А вода мутная, сверху льдом, как крышей, прикрыта— ничего не видать, никаких ящиков, а течение несет, с ног валит.

Только на одиннадцатый день набрели водолазы на ящики, на все три вместе с пулеметом. Хорошо, не оторвались, а то покатило бы их течением.

Вызвали сейчас же на лед комиссию, вскрыли ящики, стали считать деньги, сверять номера. За одиннадцать дней деньги промокли насквозь. Повезли их в баню — сушить и гладить. Деньги попали куда следует: в фонд обороны, в зафронтовую полосу.

БОЙ ЗА КАСПИЙ

Был Сергей Миронович всегда сухопутным человеком. В Астрахани в 1919 году пришлось ему стать моряком. И удивительно, как быстро, на вид будто играя, на самом деле напряженно и настойчиво, ознакомился он с особенностями морского дела, с вождением судов, с тактикой морского боя.

Как известно, Каспийское море — море закрытое: со всех сторон оно окружено сушей. Корабли по этому морю ходят только те, которые там же и построены.

В то время фактическими хозяевами моря были англичане. Но, конечно, суда свои они туда провести не могли. Оставались там две канонерки от царского Каспийского флота. Взяли англичане торговые пароходы, прежде плававшие по Каспийскому морю, обшили их броней, поставили на них пушки. Пойди, возьми их! Этот флот плавал по Каспийскому морю, обстреливал советские берега, высаживал десанты.

И вот, пока англичане были хозяевами моря, над Астраханью все время висела опасность: ну, прогнали их сегодня, а завтра они опять могут притти, опять обстреливать, опять грозить красной Астрахани.

Дело было не только в Астрахани. Астрахань была местом, где красные войска копили силы, чтобы овладеть всем Каспием. Каспием нужно было овладеть, чтобы восстановить советскую власть в Азербайджане, помочь бакинским рабочим сбросить со своей шеи англичан, получить нефть, которая нужна была революции.

Для этого нужно было уничтожить флот противника. Но как это сделать? С суши морские суда не завоюешь. Для того чтобы взять морской флот противника, нужно выставить против него свои боевые корабли. Нужно,

Волжская флотилия (худ. Б. Кустодиев).

значит, добыть свои миноносцы, откуда-то достать крейсера. А город отрезан от моря сторожевыми заставами английских миноносцев. Для кораблей есть только одна дорога, и то не морская, а речная.

Владимир Ильич Ленин много думал об астраханском фронте. Наконец он решил: если нельзя послать корабли морем, пошлем их речным путем. И вот из-под Кронштадта, из питерского порта, петляя по речным излучинам, пробираясь через шлюзы Мариинской системы, поплыли на помощь Астрахани военные суда красного Балтийского флота. Морские корабли не приспособлены к речному плаванию: у них большая осадка, того и гляди сядут на мель.

Питерцы выбрали корабли полегче, освободили их от лишнего груза, топлива дали чуть-чуть, в обрез, и корабли пошли. Пришли питерские корабли в Астрахань. К этой флотилии добавили несколько торговых пароходов, обшили их броней, назвали их броненосцами и крейсерами. Это легко сказать: обшили броней и назвали броненосцами. День и ночь шла работа. Астраханские рабочие, жившие на голодном пайке, отдавали последние силы, переделывая и перестраивая суда. Сергей Миронович был душой этого дела. Он всегда был механиком в душе, а здесь механика нужна была революции, и он вникал во все дела, сам прикидывал, как и что нужно делать. Видно было, что это его любимое дело. И вот в устье Волги появился морской военный флот. Тут были и миноносцы, и истребители, и даже три подводных лодки, — всего около сорока судов. По тому времени грозная сила.

Однако, пока эти сорок кораблей стояли в волжском устье, они для противника были не опасней сорока яликов. Почему? Да потому, что от Астрахани до моря добрых шестьдесят километров морским каналом. Да и после канала не сразу начинается открытое море. Там мель, которую трудно пройти. И корабли начинают чувствовать себя кораблями в воде, а не рыбой на мели, только на двенадцатифутовом рейде, за сто пятьдесят километров от Астрахани. Однако, и это еще не все. Сорок кораблей становятся грозной и могучей силой тогда, когда они научились вместе действовать, или, как говорят моряки, тогда, когда они «сплавались». А пока эти морские суда не сплавались, это не флот, а просто собрание кораблей. При встрече с противником корабли такого флота будут беспомощно тыкаться то в одну, то в другую сторону, тогда как сплававшийся противник будет действовать, как единый бронированный кулак.

Значит, задача была такая: прежде всего выйти в мо-

ре, пробиться сквозь неприятельские заграждения, занять удобную гавань и в этой гавани, в свободном море, собрать корабли в боевую единицу.

Этой операцией взялся руководить Сергей Миронович лично. Было это весной 1919 года. Пасмурным днем, следуя друг за другом, вошли в морской канал все сорок судов Астраханского флота. По этому каналу нужно было пройти с молниеносной быстротой, так, чтобы не заметил противник, так, чтобы самолеты не нащупали эти корабли сверху. С большим трудом суда прошли к вечеру этот канал и к ночи были на двенадцатифутовом рейде. Тут нужно было запастись топливом.

Не успели еще корабли проделать это, как на горизонте показался противник. Противник пошел одновременно и с моря и с воздуха. Наши моряки рвались в бой. Однако, Сергею Мироновичу вовсе не хотелось подставлять еще не сплававшиеся суда под снаряды и бомбы англичан. Он постарался сделать этот бой по возможности более коротким. Ему помогла темнота. После того как противники обменялись несколькими выстрелами, Кирову удалось оторваться от врага.

Но Сергей Миронович пошел не обратно, в дельту Волги, а налево, к форту Александровскому, на восточном берегу Каспийского моря. Там была удобная гавань, там была радиостанция, через которую вели друг с другом переговоры Деникин и Колчак, там поднималось партизанское движение против белых генералов.

В форте Александровском шла обычная жизнь. Белые офицеры развлекались, как могли, в этом унылом городишке, брошенном между степью и морем.

Когда кировская флотилия появилась в Александровской гавани, никто и подумать не мог, что это большевистские корабли. Откуда им быть здесь, в закрытом море, да еще в таком количестве? Белые опомнились только тогда,

когда отряды моряков начали занимать одно за другим учреждения белых. Но первым делом Киров стремился занять радиостанцию.

Сергей Миронович хорошо знал, чего стоила эта радиостанция на морском берегу. Две огромные белые армии — колчаковская на востоке и деникинская на юге — с двух сторон осаждали Советскую республику. Они дрались порознь, на двух фронтах. Астрахань была тем местом, где они хотели соединиться. Если две армии соединяются, они становятся сильнее не вдвое, а по крайней мере вчетверо.

Эта маленькая радиостанция на почти пустынном берегу была единственной связью между армиями Деникина и Колчака. Через эту станцию они переговаривались. Сюда Деникин посылал свои планы. Отсюда они передавались Колчаку.

Кирову удалось занять станцию так быстро, что радисты не успели опомниться. Белые с обеих сторон продолжали посылать свои секретные шифрованные телеграммы, и все расшифровщики, какие только нашлись на большевистских кораблях, морща лбы, сидели над расшифровкой донесений белых. Киров был в курсе всего, о чем говорили между собой Деникин и Колчак. Получилась игра в телефон, как ребята играют: Деникин на ухо, чтобы никто не слышал, шептал Кирову все свои самые секретные планы, а Сергей Миронович, перевирая их так, как хотел, «шептал» их через казахстанские степи прямо в ухо самому Колчаку. Какая каша от этого получалась на белых фронтах, можно себе представить!

НЕУДАЧЛИВЫЙ ГЕНЕРАЛ

Вот как-то получает Сергей Миронович радиограмму из занятого белыми города Петровска о том, что едет в форт Александровский белый генерал Гришин-Алмазов. Едет генерал на небольшом судне, лайбе, и сопровождает его в опасном переходе, наискось через Каспийское море, вооруженный корабль.

И Сергей Миронович решил поймать этого морского генерала.

Киров послал навстречу генералу миноносец, и, когда конвоирующий лайбу военный корабль, подойдя довольно близко к форту Александровскому, ушел назад, в Петровск, красный миноносец подплыл вплотную к генеральской лайбе. Это произошло очень быстро. Команда белых слишком поздно заметила грозящую опасность. Она стала отстреливаться. Но что могли сделать винтовки и пулемет против вооружения миноносца! Стреляя с таким расчетом, чтобы не потопить лайбу, миноносец подходил к ней вплотную. Офицеры на паруснике увидели, что спасения нет. Они заметались по палубе, в ярости стреляя в матросов. А матросы уже на палубе. Видя, что все пропало, что больше сопротивляться нельзя, что впереди красный плен, офицеры с отчаяния стали прыгать в воду.

Генерал Гришин-Алмазов, когда увидел, что миноносец близко, побежал вниз, в машинное отделение. Он пытался взорвать котлы; однако, это не легко было сделать. Если бы он раньше подготовился к такой встрече! Если бы раньше приготовил здесь динамит или пироксилин, чтобы можно было взорвать эту несчастную лайбу вместе с большевиками! Теперь сделать ничего нельзя. Генерал со злости, отшибая кулаки, стучал по железному днищу котла. Ничего не выйдет! Он побежал опять к себе наверх. За стеною слышался уже топот матросских ног. Задыхаясь,

генерал прибежал в каюту, запер дверь за собой двумя оборотами ключа.

Пока матросы прикладами выбивали дверь, генерал судорожно сжимал рукоятку своего револьвера. Все пули — в них, а последнюю — в себя. Моряки с миноносца нашли генерала мертвым.

Хорошо, что не удалось неосмотрительному генералу потопить свое судно: в его каюте моряки нашли ценнейшие материалы. Генерал ехал к Колчаку. Он вез ему письмо Деникина. В этом письме Деникин признавал Колчака верховным правителем России; в этом письме он посылал ему свои планы объединения белых армий. Гришин-Алмазов не успел уничтожить ни письма, ни своих дневников.

И вот весь красный флот стоит в бухте у форта Александровского.

НОЧНОЙ ПОХОД

Генерал Гришин-Алмазов был разбит, а белые все еще не знали, что в гавани форта стоят все корабли большевиков. Но с минуты на минуту они могут это узнать, и тогда весь флот, все корабли, стоявшие бок о бок в тесной гавани, можно было бы уничтожить и с моря и воздушной бомбардировкой. Передышку, которую, сами того не зная, делали белые, нужно было использовать. Ждать нельзя, нужно торопиться выступать в поход. Киров уже получил приказ из Москвы: разбить флот противника на море, уничтожить его базу на острове Чечень, напасть на город Петровск. К этому времени в Петровске должно быть поднято рабочее восстание.

Сергей Миронович проработал весь план очень точно и детально. Командиры судов получили от него все указания, до самых мельчайших. Он сам разрабатывал сигнализацию для судов.

Сергей Миронович делал все для того, чтобы выполнить успешно боевую задачу. Но он не был вполне уверен, что эта операция пройдет хорошо. Флот еще не стал боевым флотом и оставался собранием кораблей. В маленькой гавани не развернешься. Флот там мог только стоять. Двигаться же он мог в открытом море. И Сергей Миронович решил выйти в море, попытаться, может ли флот за несколько дней сплаваться и получить боевую подготовку. Да было уже и пора.

На третий день после занятия Александровского форта на горизонте, с моря, показались два самолета. Когда они приблизились, оказалось, что это два бомбовоза. Они стали кружиться над заливом и бросать бомбы. Не попасть было трудно. Корабли стояли тесно, как сельди в бочке. Самолеты нужно было прогнать во что бы то ни стало. Своих самолетов не было. «Бух-бух!» взрывались бомбы в заливе.

Миноносец «Москвитянин» получил уже пробоину.

Тогда заговорили наши орудия.

Все ближе и ближе к самолетам стали расплываться белые облачка. Это разрывались наши снаряды.

Самолеты улетели.

Пора было выходить в поход.

Ночью большевистские корабли вышли из гавани и взяли направление на остров Чечень.

На одном из миноносцев находился Сергей Миронович. Суда шли в кромешной тьме. На море упал туман, и в этой густой молочной мгле люди не видели друг друга на расстоянии десяти шагов. Что говорить о судах!

В темноте командиры кораблей почувствовали, что в эскадре еще больше прорех, чем им казалось вначале. Плохо работало радио. Вдруг слышишь такое:

«Противник... (перерыв) огонь... (перерыв) помощь...»

Что это такое? Судно, что ли, гибнет совсем рядом? «Огонь» — а выстрелов не слышно. Судно совсем и не гибло. Просто радио плохо работало. Радиограммы шли одна за другой, и все это были сплошные ребусы и загадки.

Командующий дает приказание итти кильватерной колонной, друг за другом. Вдруг корабли начинают рыскать: один поворачивается в одну сторону, другой — в другую. Никто команды не менял. Это у судов переставали работать механизмы.

Принять бой с такими кораблями означало поставить их под расстрел. Ночью красные суда прошли очень близко от противника, но боя не приняли. На рассвете они появились на виду у острова Чечень.

Утром Киров и командиры кораблей осмотрелись. Оказалось, что балтийские корабли были плохо приспособлены к каспийской воде. Вода в Каспийском море содержит больше соли, чем в Балтийском. В трубках, в паропроводах быстро образовывалась накипь, трубки забивались, пар не проходил, судно теряло управление.

КИРОВ И МОРЯКИ

Сергей Миронович Киров был смелым человеком. Только моряк мог как следует понять, каким рискованным предприятием был выход в море ночью с такой неподготовленной эскадрой.

Мужество нужно для наступления, но не меньше мужества подчас нужно иметь для того, чтобы во-время отступить. Отступить для того, чтобы снова собраться с силами и уже окончательно победить.

Когда выяснилось, что паропроводы забиты солью, что в решительный момент боя корабль может повернуть совсем не туда, куда нужно, по капризу разболтавшегося механиз-

ма управления, Сергей Миронович, убедившись, что флотилия — не столько боевая единица, сколько мишень для снарядов противника, так же решительно, как занимал форт Александровский, решил повернуть обратно.

Операция по взятию форта Александровского прошла удачно. Нужно было итти обратно в Астрахань для того, чтобы сохранить флот. Этот флот был еще нужен для защиты Астрахани.

Сергей Миронович во время похода переплавал на всех судах: на крейсерах, миноносцах, истребителях и даже на подводных лодках. Матросы все до единого знали Кирова. Опоясанные пулеметными лентами, обветренные, загорелые, они были готовы в любой момент погибнуть за революцию. Эти люди не любили отступать. Каждое отступление казалось им предательством. Умереть с кольтом в руке им казалось легче, чем подчиняться суровой, тяжелой дисциплине, дисциплине, которая требовала не только атак и наступлений, но и отходов назад.

Это прекрасно знали враги революции: эсеры, анархисты. На Каспийском море среди матросов орудовала эсеровская матросская организация «Центрокаспий».

Когда большевистский флот подошел уже к двенадцатифутовому рейду, матросы были очень возбуждены. Агитаторы «Центрокаспия», как только узнали о том, что Сергей Миронович принял решение отвести флот в Астрахань, стали шнырять с корабля на корабль и уговаривать моряков не подчиняться командирам. А матросам и без того в тыл уходить не хотелось. Они искренно рвались в бой. Нетрудно было заставить их поверить, что командиры изменяют революции. Этого только и добивались эсеровские агитаторы. Они хотели заставить Кирова изменить свое решение и повести флот навстречу английским миноносцам и отдать им всю пловучую силу защитников Астрахани.

Когда флот подходил к двенадцатифутовому рейду,

Астрахань.

Киров был на одном из миноносцев. И тут он узнал, что на «Третьем Интернационале» — на самом большом корабле флотилии — дело зашло уж очень далеко. Там матросы арестовали командира и комиссара.

— Едем! — сказал Киров товарищам.

Он отцепил револьвер, который висел у него на боку.

— Так лучше будет, — сказал он, усмехаясь. — А то еще подумают, что мы их расстреливать едем.

Так, безоружный, на маленьком истребителе поехал Сергей Миронович к «Третьему Интернационалу», который шумел и гудел, как встревоженный улей.

По морскому уставу, когда едет командование фронтом, корабль должен встретить его, как полагается: подъемом флагов, рапортом. Какое там!

— Посмотри, — показал Киров, — ишь, муравейник какой. Командование едет, а им хоть бы хны. Ну, ничего, как-нибудь договоримся.

Истребителя с командованием заметили с корабля. Киров видел, как махали там кулаками и кричали: «Долой изменников-комиссаров!» Когда истребитель подошел вплотную к кораблю, сверху спустили трап. Сергей Миронович перестал улыбаться. Он взошел на палубу и сказал:

— Где командир? Что за безобразие на корабле? Немедленно арестовать командира!

Уж чего-чего, а этого матросы никак не ожидали. Они растерялись и опешили. Ведь командира-то они уже арестовали. Их поразило, что Киров приехал без оружия. Если человек приехал без оружия туда, где ему грозит арест или смерть, — значит, он уверен в себе. Предатели революции так не поступают. Значит, этот безоружный человек по-настоящему верит в революцию. Стоит послушать, что он будет говорить.

Маленькая группа матросов, которая собралась около Кирова, все росла и росла.

Киров не уговаривал. Киров не упрашивал. Не к лицу члену реввоенсовета упрашивать вышедших из дисциплины людей. Никто не помнит точно тех слов, которые говорил тогда Сергей Миронович. Но через полчаса командир и комиссар судна были уже освобождены, а эсеровских агитаторов арестовали. Когда остальные суда флотилии узнали, что произошло на «Третьем Интернационале», они также поняли свои ошибки.

Сергей Миронович действовал так, как действовали те люди, у которых он учился: выступать решительно в ре-

шающий момент, в решающем месте. Люди, у которых он учился, были Ленин и Сталин.

Флот ушел обратно в дельту, и в дни, когда решалась судьба Астрахани, он сказал свое веское слово.

АСТРАХАНЬ ОКРУЖЕНА

А опасность все приближалась к Астрахани. Белые все ближе и ближе. Товарища Кирова в Астрахани избрали на пост председателя ревкома.

Стал Киров председателем ревкома в самое трудное для Астрахани время. Тиф косит людей, валит ближайших помощников по работе. Белые близко, приободрилась контрреволюция. Киров чуял: вот-вот подымут голову враги. И подняли: в Астрахани вспыхнуло восстание. Пулеметы трещат на астраханских улицах, Киров сам руководит подавлением восстания. Ну вот, подавили, смяли контрреволюционеров — одна опасность ликвидирована. А белые уже у ворот города. Они теснят теперь не только с кавказской стороны, они подступают со всех сторон. Только теперь армия уже не бежит: она остановилась и сражается. И тут Киров, член реввоенсовета XI армии, руководит сухопутными боями и морскими операциями против белых миноносцев. Киров не только руководит боями, — он, не прекращая боя, перестраивает армию, переформировывает полки и дивизии, укрепляет командование надежными и крепкими людьми. Слава героической защиты Астрахани — слава XI армии.

И вот наступает самый ответственный момент. Осень. Астрахань окружена со всех сторон: с юго-запада, с Кавказа, наступают казаки генерала Покровского; с юго-востока, по берегу моря, идут уральские и астраханские казаки под командой генерала Толстого; с северо-востока на соедине-

ние с Деникиным движется Колчак; с севера наседают донские казаки генерала Улагая; с моря, из Петровска, движутся английские миноносцы, а с воздуха английские аэропланы забрасывают город бомбами.

Колчак видит: XI армия затянута в казачье кольцо. Уже составили списки комиссаров на расстрел. Податься XI армии некуда: заперты все выходы, армия в петле.

Предатель Троцкий шлет приказ — эвакуировать Астрахань. А Киров не подчиняется Троцкому, не выполняет его приказа.

Троцкий шлет телеграмму — снять Кирова.

Но Киров получил приказ Ленина — отстоять Астрахань. Сергей Миронович со штабом XI армии поставил боевую задачу — ко второй годовщине Октября разбить белых. И армия повела наступление на противника двумя боевыми колоннами.

В ОБХОД НА БЕЛЫХ

Все пути и дороги развезло осенними дождями. Грязь, распутица. По берегу Каспия красные курсанты, по пояс в воде и тине, пошли в наступление к устью Волги. Волга у самого берега моря разбивается на тысячи ериков. Ерики — это мельчайшие рукава, речонки, где у́же, где пошире. Курсанты переходили их вброд, строили через них мосты, переплывали на лодках.

Вымокшие до костей, продрогшие и голодные, они десять дней без отдыха и сна дерутся с белыми казаками и теснят их к морю.

Сверху, с Волги, идет другая колонна — это моряки. По осенней грязи они в два дня сделали переход в девяносто километров и зашли казакам в тыл. Моряки соединились с курсантами и гонят казаков к Каспию.

С. М. Киров за работой в штабе XI армии.

В море стоят английские пароходы и миноносцы. Но им не подойти близко: здесь мелководье. В трех километрах от берега суда должны остановиться. Высадить войска невозможно. Белые сдаются сотнями, отдельные части их бросаются в море и бегут водой к английским кораблям, а моряки и курсанты посылают вдогонку пули, и белые падают в воду — им больше не встать!

Немало моряков и красных курсантов пало в этих боях. Погиб почти без остатка шестой выпуск пехотных курсов, погиб второй выпуск астраханских пулеметных, погибла не одна сотня красных моряков в астраханских ериках.

«После непрерывных боев, — телеграфировал Киров Ленину в октябре 1919 года, — противник в районе Ганюшкино был крепко зажат к Каспию, а сегодня

ему был нанесен окончательный удар, смертельно сокрушивший белое астраханское казачество.

Части его, бившиеся против социалистической России в районе Царево, также исчезли бесследно, похоронив свои остатки у хутора Буканина (против Царицына).

В течение десятидневных боев нами взято свыше 5 тысяч пленных, около 6 тысяч винтовок, 117 офицеров, 128 пулеметов, 3 орудия, 2 миллиона патронов, несколько тысяч снарядов, радиостанция, 6 гидропланов, громадные обозы и пр.

Таким образом, враги рабоче-крестьянской России потеряли еще одно звено: астраханское казачество. Передовые части XI армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут свою мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу.

Командарм Бутягин, член реввоенсовета Киров».

В ответной телеграмме Ленин поздравил XI армию с победой.

Организатором этой победы был Сергей Миронович Киров, член реввоенсовета XI армии.

Но почему же, собственно говоря, член реввоенсовета? Значит, не Киров был командующим армией? Нет, не он. Армией командовал командарм, бойцы шли в бой по приказу командарма. Но то, что армия могла выполнять приказы командарма, — это было дело рук Кирова.

В конце 1919 года приехал в Астрахань новый командарм. Он приехал с южного фронта. Там он командовал дивизией. Южный фронт был широким фронтом. Каждый командир знал, что рядом с ним, плечом к плечу, бьется другая часть. Теперь командарм ехал в Астраханскую армию, которая сражалась одна, отрезанная от других фрон-

тов. Он уже знал, какие бои выдержали защитники Астрахани, и ожидал увидеть истрепанную армию, измученных людей.

Его встретил город, живший одним напряженным делом, его встретили бодрые люди, объединенные одной целью, его встретил улыбающийся Киров, с красными от бессонных ночей глазами, одетый в штатский пиджак, в белом чистом воротничке.

Какие только смелые экспедиции не устраивал Сергей Миронович! Посланные Кировым люди ухитрялись из Баку провозить бензин мимо целых неприятельских флотилий. Он посылал людей в тыл белым армиям, и они там умудрялись обезоруживать самые крепкие воинские части своим оружием — большевистским словом. Самолеты Кирова разбрасывали листовки над расположением белых солдат, и эти листовки действовали подчас не хуже артиллерийских снарядов.

Даже в такое время Сергей Миронович носил белый воротничок и в баню ходил, чтобы тифом не заболеть. Нельзя болеть члену реввоенсовета! И не заболел.

Как он жил тогда в Астрахани? Да так: либо в штабе, либо в разъездах. У него была комната с койкой, больше мебели не было. Но в комнате он почти не бывал. Разве забежит отоспаться на часок. Как выедет в часть, обязательно везет с собой полушубки для бойцов, шапки. Шапками, конечно, врага не закидаешь. Киров знал, что дело делают люди, а во всяком деле прежде всего надо подумать о людях, об их нуждах.

Как ведут армию в бой?

На первый взгляд кажется: верхом на коне летит впереди полководец, а за ним бегут красноармейцы и кричат «ура». На самом деле, конечно, совсем не так. Во-первых, надо позаботиться о том, чтобы накормить, одеть и воодушевить бойцов, поднять их сознательность, как бойцов рабочего

класса. Вторая забота — чтобы на местах были умелые командиры. Наконец, надо уметь оценить и предвидеть все ходы врага и во-время принять нужное решение.

ТАИНСТВЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

В штабе особенно горячая работа начинается ночью. После дневных боев командиры дивизий докладывают, что произошло, как дрались, куда продвинулись. Требуют распоряжений. Командарм и член реввоенсовета сидят у стрекочущего телеграфного аппарата. Из него вылезает белая лента, и полководцы читают донесения командиров частей. Бывало, так по четыре ночи подряд сидят у телеграфа. Что же, не спали? Да нет, бывало, и спали. Заест телеграфный аппарат; пока телеграфист возится с ним, Киров, сидя на стуле, положит голову на край стола и спит, пока телеграфист снова не застучит.

Да не с одними командирами частей был связан Сергей Миронович. Связи у него были и далекие. Слали ему донесения даже из самого Баку, где хозяйничали англичане и контрреволюционное правительство муссаватистов [1].

Вот как это началось. Раз ночью приносят Кирову в штаб радиограмму. Что такое? Из Баку какой-то неизвестный человек очень сжато, очень коротко передает, что делают белые и какие планы готовят против красных. Сначала не верили. Подумали: может быть, ловкая провокация — нарочно путает. Но нет, проверили через партийную организацию Баку — оказалось, все верно. И вот систематически, то раз в неделю, то два, а то и в три недели раз, Киров получал сведения от своего неизвестного корреспондента.

[1] Муссаватист — член партии «Муссават», тюркской буржуазной контрреволюционной партии.

И так несколько месяцев кряду. О том, как он с ним потом познакомился, расскажем дальше.

Прошла зима двадцатого года, и к весне белые под натиском Красной армии дрогнули и побежали. Армия наступала. Ушла уже километров на пятьсот, а штаб все еще оставался в Астрахани.

Нужно наступать и гнать белых дальше, к Грозному, на Баку, нужно вести армию вперед. На таком расстоянии уже трудно руководить боями: провода то и дело рвутся, обрывается связь. И командарму и Кирову надо ехать в армию.

А как ехать? Наступила распутица, в автомобиле через степь никак не проедешь, застрянешь где-нибудь в пути. На лошадях можно, но недели три протащишься. А нужно сегодня же быть в Святом Кресте и оттуда руководить наступлением. Как же туда попасть? Только по воздуху! А на чем лететь?

Сейчас полетишь на многомоторном самолете с компасом, картами, радио — четыреста километров покажутся сущим пустяком. А попробуй пролететь это расстояние на тогдашнем, чиненном-перечиненном аппарате, без компаса, без радио, в распутицу, которая спутала всю карту, сделав из одной реки сотни рукавов, а из ста рукавов — озеро! Хорошо, когда есть чистый бензин и надежный, выверенный мотор, а каково было летать с тогдашним заплатанным мотором, в котором вместо бензина приходилось жечь какую-то фантастическую смесь. Лететь без компаса, прямо по солнцу, над гладкой, однообразной степью, без всякого ориентира. Для самолетов было тогда одно название — «летающие гробы». Удивительно, как они не рассыпались в воздухе. Впрочем, некоторые и рассыпались...

И вот на таких «летающих гробах» решили лететь Киров и командарм. Это было опасно, но другого выхода не оставалось.

ВОЗДУШНОЕ БЕЗДОРОЖЬЕ

Сергей Миронович вышел на крыльцо и посмотрел на небо. На редкость удачный день: на небе ни облачка, в воздухе ни пылинки, тишина, благодать.

В одиннадцать часов три самолета поднялись с астраханского аэродрома. Киров летел на «Фарсале» с летчиком Монастыревым.

На земле летчики договорились держаться вместе, стайкой, всем трем самолетам, а как поднялись в воздух, самолет с командармом сразу почему-то взял курс на юг, второй самолет за ним. В кировском самолете не знают, что делать: как им дать знать, что не туда, мол, летите? Радио не было. Посоветовался летчик с Кировым, решили сигнализировать всем самолетом, как рукой. Они догнали товарищей, залетели вперед и круто повернули обратно, как будто махнули рукой — вот туда лететь надо.

Нет, не видят или не понимают: идут своим неверным курсом — и все тут. Что же делать? Делать нечего! Не лететь же без толку! До посадки в Яндыках сто двадцать километров. Если поздно обнаружится ошибка, не долетишь, бензина нехватит. Монастырев полетел к устью Волги по солнцу. Как будто все правильно, а по карте сверишь — чепуха. По карте вон как вьется Волга, а там, внизу, на земле... да где же она там, Волга? Там десяток рек каких-то... Какая же из них Волга? Не узнаешь, хоть плачь!

А залетишь куда-нибудь в болото, бензин кончится, и тогда — беда!

Киров сидел на своем наблюдательном месте и внимательно вглядывался в очертания земли. Он бывал здесь и раньше. Найти бы знакомые места и по ним распутать головоломку, что начертил весенний разлив. Киров подумал, что летчик скоро обратится к нему, и, действительно, Мо-

настырев набрал высоту, остановил мотор и начал спускаться спиралью.

Стало тише, только свистел ветер да бормотал вхолостую пропеллер.

— Видите, Сергей Миронович, какая путаница-то! — крикнул ему летчик.

— По-моему, надо лететь туда, — показал Киров на юго-восток, — к устью, вон, где русло самое.

— И я, пожалуй, так думаю! — крикнул Монастырев. Включил мотор и снова набрал высоту.

Так несколько раз советовались они в воздухе и спустя недолгое время уже планировали на яндыкский аэродром.

Только через час после их спуска показались на горизонте два самолета. Оказалось, по пути летчики снижались, долго искали направление, а в довершение всего один из них, приземляясь, наткнулся на бугорок и подбил самолет.

Пока совещались, подливали горючего, время приблизилось к четырем часам. Предстояла самая трудная часть пути: начиналась настоящая пустыня, тут уж не было ни рек, ни дорог, ни деревень, ничего, что могло бы помочь сверить направление.

Вылетели из Яндыков уже только два самолета: легкий «Фарсаль» Монастырева и тяжелый «Вуазен» Михалюка с командармом.

На карту смотреть бесполезно: внизу изредка попадались только солончаковые озера с ярко-желтой весенней водой, этих луж на карте не было. Ничем не определишь, над каким участком пустыни летишь!

От утренней ясной видимости не осталось и следа, землю заволокло испарениями. Снизу поднимались, как марево, нагретые солнцем воздушные токи. Чтобы видеть зем-

лю, пришлось итти низко. Самолет то проваливался в ямы, то вдруг взмывал кверху. Летчик измучился и поднялся на два с половиной километра. Там хоть было спокойно, но земли не было видно: она была затянута дымкой. Потеряли из виду и самолет командарма.

Солнце садилось. Один всего час остался до наступления темноты. Что же стало с командармом? Может быть, разбился, может быть, сидит где-нибудь в пустыне у подбитого самолета и одни степные волки бродят вокруг?

А летчик устал: три часа он сидел, не изменяя положения. У него затекли ноги, ломило поясницу, глаза заливал пот, и отереть нельзя: обе руки на рулях.

Начинало темнеть. И погиб бы командарм в калмыцкой степи, если бы не острый глаз Кирова. Все три часа он напряженно, до боли в глазах, всматривался в туманную дымку. Еще десять-пятнадцать минут — и настанет тьма. Вдруг Киров хлопнул летчика по плечу, ткнул пальцем вниз.

У самой земли, едва заметный, летел маленький, как букашка, самолет командарма. Он спускался все ниже и ниже и, наконец, остановился. То, чего так опасались, произошло: вынужденная посадка — значит, что-то там неладно. И Сергей Миронович приказал летчику лететь на помощь.

Спустились.

— Что случилось? В моторе свеча отказала? Ладно.

Монастырев отдал Михалюку свечу от своего мотора.

— Летим дальше? Нет, не полетим: накрыла ночь.

Положение было не очень веселое: ни воды, ни еды. И как будто никого вокруг. Стали внимательно оглядываться. Видят: в сумерках, вон за бугром, какие-то люди. Подошли поближе — люди убежали. Пошли за ними, смотрят — калмыцкие юрты.

Вошли в ограду. За оградой семейство калмыков. Маленькие и большие прижались к стене, в глазах ужас. Отчего это так?

— Не бойтесь, — говорит Киров, — мы красные.

А им все равно: не знают они ни красных, ни белых.

— Шайтан! — кричат.

— Поздравляю вас, — говорит Киров: — за чертей приняли.

Шайтан — по-калмыцки «чорт».

— А вы бы нам молока дали, — говорят летчики. — Честное слово, мы не шайтаны.

Но калмыки пока еще не очень верили: шутка ли, летают под небом, воют и рычат — да кто же, как не черти?

Калмыки пугливо озираются, однако молока принесли. А когда увидели, как «шайтаны» накинулись на молоко, совсем повеселели и заулыбались.

Киров смеялся: вот приключение, большевика за чорта приняли!

Среди калмыков было двое, которые кос-как понимали по-русски, и Сергей Миронович стал рассказывать им, что такое советская власть.

Посидели немного. Пора и спать. Только разлеглись на войлоке, как все четверо — и летчики, и командарм, и член реввоенсовета — пулей выскочили из юрт: командование XI армии позорно сбежало от блох! Действительно, блохи наступали в огромном количестве.

Ночью хватил крепкий морозец, и как ни прыгали от холода, как ни ежились, а все-таки в юрту войти не решились.

Утром снова поднялись в воздух и на другой день были в Святом Кресте. Началось наступление на Грозный, на белых, и дальше — на Баку, на англичан. Теперь Киров в рядах войск.

Начались бои.

Раз Кирову пришлось быть в авангарде 37-го полка. Он стоял на наблюдательном посту вместе с одним из командиров. Бой идет, и наши наступают. Вдруг видит Сергей Миронович, что на левом фланге замешательство: белые оправились и стали теснить нашу пехоту. Сергей Миронович вскакивает на лошадь, берет двух разведчиков с собой и мчится к месту боя.

— Стойте! — кричит член реввоенсовета. — За мной!

Бойцы остановились, стали отстреливаться и снова перешли в наступление. Под Кировым убили лошадь; он упал, расшибся, с трудом выбрался из-под коня, но с передовых линий не ушел, пока не закончился бой, пока победа не была закреплена.

От Грозного армия пошла на Баку и заняла город. Англичане бежали заранее.

И вот здесь, в Баку, в первый и единственный раз встретился Киров со своим таинственным бакинским корреспондентом. Какой-то молодой парнишка пришел в штаб и спросил, получали ли его радиограммы в Астрахани. Узнав, что получали, ушел. Он, очевидно, и не считал это подвигом. В горячке Киров забыл спросить его имя. Часто потом он жалел об этом.

Когда помогли бакинским рабочим освободить Баку, начались для Сергея Мироновича новые дела и новые фронты. Пришлось ему быть и полпредом Советской страны в меньшевистской Грузии, приходилось впоследствии и военными делами заниматься. Член реввоенсовета XI армии Сергей Миронович Киров всегда был ее лучшим бойцом.

БОРЬБА ЗА НЕФТЬ

Настал 1921 год. Трудное это было время. Все хозяйство нашей страны было, как в параличе. Электростанции не давали света, трамваи остановились, на улицах не горели фонари. Многие заводы стояли, потому что дизели не работали. Шоферы заправляли автомобили какой-то дрянной смесью из спирта и бензина. Автомобили кашляли, как дряхлые старики, и то и дело останавливались. Вазелин в аптеках был большой редкостью. Дверные петли и те скрипели — их нечем было смазать. Вот какой год — полная разруха!

Но отчего же это так? А оттого, что нефти не стало. Без нефти дизель не будет работать, без дизеля и завод не пойдет, и электростанция тока не даст. А без тока и трамвай не двинется с места, ни фонарь на улице, ни лампа в доме не будут светить. Без нефти нет бензина; колесную мазь — и ту из нефти ведь делают.

Куда же нефть девалась? Ведь ее добывали в Баку и Грозном.

Да, добывали. Но за те годы, когда Баку и Грозный были отрезаны белыми, нефтяные запасы внутри страны истощились, а потом, когда на Кавказе разгромили белых, они перед уходом разрушили нефтяные промысла в Грозном, разрушили их и в Баку, но не все, и вот почему.

Нефтяной король Детердинг, англичанин, незадолго перед уходом англичан скупил по дешевке все промысла у прежних владельцев — миллионеров Манташевых и Нобелей. Он был уверен, что большевики в России продержатся недолго и он вернется в Баку единственным хозяином нефти. Но случилось не так, как он думал.

Советская власть укрепилась в Баку. Но нефтяные промысла были в таком состоянии, что пользы от них никакой не было. Тартальщики желонками добывали такое нич-

тожное количество нефти, что нечего было и думать оживить заводы, электростанции, транспорт и промышленность; да и тартальщики почти все разбежались от голода. Ни рабочих, ни промыслов, ни нефти. Нет ничего! А промышленность нужно было наладить во что бы то ни стало.

Надо было возможно скорее пустить в ход промысла. Дело серьезное. С ним мог справиться только человек крепкой воли, умный, талантливый организатор, с большим государственным размахом, человек, который мог бы не только наладить технику, но и воодушевить людей. Серго Орджоникидзе, руководитель закавказских большевиков, назвал Кирова. Ленин и Сталин поддержали его, и партия послала Кирова в Баку, и там его выбрали секретарем Центрального комитета коммунистической партии Азербайджана.

Азербайджан, куда поехал Киров, входил в Закавказскую советскую федерацию. Все народы многоплеменного Закавказья: тюрки, армяне, грузины, абхазцы, аджарцы, — все они были объединены в одной Закавказской республике.

Вчера еще, кажется, вели они между собой кровавые войны, вчера еще, кажется, меньшевики, дашнаки[1], муссаватисты — все их контрреволюционные партии — по указке международных империалистов подстрекали народы к взаимной резне. Теперь это дружная семья, которая вместе с другими народами Союза строит социализм.

Кто это сделал? Это сделала партия большевиков. Она сплачивала и объединяла народы, она направляла их против общего врага. В самые трудные годы, когда, прогнав интервентов, меньшевиков и других контрреволюционеров, большевики Кавказа начинали работать на освобо-

---

[1] **Дашнаки** — члены контрреволюционной армянской партии «Дашнакцутюн».

С. М. Киров в Баку в 1921 г.

жденной земле, руководил ими Серго Орджоникидзе, а его ближайшим соратником был Сергей Миронович Киров.

Он объединил азербайджанских большевиков на борьбу за твердую линию партии против всех оппортунистов, против троцкистов и против тех, кто пытался снова разжечь старую национальную вражду. Он крепко взял в свои руки хозяйство Азербайджана и в первую очередь нефть.

Киров — не инженер, Киров — не нефтяник, но Киров — крепкий человек. Киров — человек с верным глазом. Киров знал, что всякое дело делается людьми, и лучше всего оно делается тогда, когда люди веселы, бодры, а главное — знают, за что они борются.

Но в Баку Киров увидел унылых, голодных тартальщиков.

АРМИЯ ТАРТАЛЬЩИКОВ

Кто такие тартальщики?

Тяжела и грязна их работа. Берут они желонку — узкое, длинное ведро килограммов полтораста весом, спускают на канате в скважину. С грохотом желонка летит метров триста на дно, наполняется нефтью, и тартальщики ее тянут наверх. Скрипят блоки. Желонка выползает из скважины. Тягуче стекает с ее боков нефть и обливает тартальщиков. Тартальщик подхватывает желонку огромным ухватом, направляет к деревянному жолобу. А посреди жолоба кол. На этот кол и садится желонка. Кол открывает клапан в желонку, и нефть вытекает в жолоб. Вылью т, вытрутся паклей, натрепанной из каната, и опять тартай сначала.

Работа тяжелая, холод, а люди в отрепьях. Скважины с каждым днем истощаются. Вот докачают последнюю нефть и разбредутся кто куда.

С такой армией пришлось работать Кирову.

Эту армию прежде всего надо было подбодрить. Пошел Киров по вышкам, поговорил с тем, с другим, перекинулся шуточкой. Нашел среди тартальщиков товарищей, дравшихся когда-то вместе с ним против белых. Встретит такого и беседует с ним, как со старым знакомым.

— Здорóво, Амбарцум! Как дело идет?

— Плохо, Сергей Миронович, очень плохо: нефти мало, скоро совсем кончать будем.

— Нет, не так, Амбарцум, теперь только начинать будем. Ну, а как живешь-то?

— Ой, плохо: хлеба нет, скоро тоже кончать, помирать буду.

— Ну, ну, не торопись, еще поживем, поработаем.

Вот встретилась целая компания из XI армии, и все тот же разговор: хлеб да хлеб...

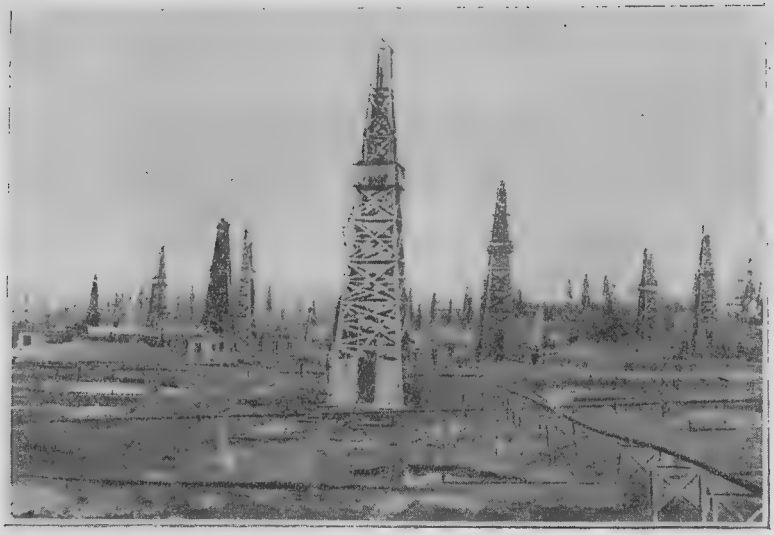
Киров дал знать в Москву: спасу промысла, нужен хлеб.

По горсточке, урывая от своих скудных пайков, рабочие собирали хлеб и слали бакинцам. Работа в Баку пошла веселее. Народ подбодрился. Расчищали одну за другой заброшенные скважины. К концу года тартальщики дали стране два миллиона тонн нефти. Это была настоящая победа, и большая победа. Добыча нефти увеличивалась день ото дня. Но этого все еще мало. Как бы тартальщики ни тартали, а таким первобытным способом много нефти не добудешь. Нужно призвать на помощь технику.

Ведь не все же в мире добывают нефть желонкой. Есть и другие, наверное, способы, более усовершенствованные.

Киров стал изучать это дело, читать литературу, технические заграничные журналы. Стал тормошить инженеров.

— Ведь вот в Америке нефть не желонкой черпают, го-



Сураханские нефтепромысла, восстановленные под руководством С. М. Кирова.

нят глубоким насосом. Надо послать в Америку и привезти оттуда все оборудование целиком.

Послали людей в Америку, они привезли машины, те самые глубокие насосы. Бросились их устанавливать сейчас же, не теряя времени.

Поставили насосы, соединили с паровыми машинами; засопели насосы — и потекла нефть.

Где прежде потело полсотни тартальщиков, теперь один масленщик ходит от насоса к насосу, поглядывая за работой машины. Чисто стало на промыслах, тихо, не гремит желонка, не обливает тартальщиков нефть, да и нефть-то стала дешевле.

КРЕКИНГ КАПЕЛЮШНИКОВА

Тартальщикам как будто уж и делать нечего? Нет, они пошли бурить новые скважины. Больше скважин — больше нефти. На это, главным образом, теперь обращал внимание Киров. Он радовался каждой новой вышке. Да теперь и вышки-то стали бурить не по-старинке — не долотом, а новым американским вращательным станком.

Вышки росли одна за другой, и скоро стало столько нефти, что не только забегали по Союзу паровозы, заработали фабрики, заводы, электростанции, но излишки нефти стали гнать по трубам в Батуми, куда приходили за ней пароходы из-за границы.

Но и это полдела. Паровозные топки работают на нефти, а где же керосин, бензин, где минеральная смазка для машин? А автомашины? Их на нефти не пустишь. Нужен легкий бензин.

Бензин — это дыханье нефти, тот легкий парок, который можно выгнать из нефти, если ее согреть. Но надо его поймать, а он обладает способностью удирать во всякую щелочку, во всякую скважину.

У промышленников Манташевых и Нобелей в Баку стояли заводы, где вырабатывали из нефти бензин, керосин, десятки смазочных масел, вазелин. Это целая химическая фабрика!

Пустить бы эти фабрики в ход! Но нет, хозяева развалили их и ушли. Ни одного целого перегонного завода не оставили.

Киров предложил простое дело: нельзя ли из трех разрушенных собрать один целый завод? Ну, конечно, были люди, которые презрительно фыркали: экую чушь придумал! Но Киров упорен.

Среди инженеров нашлись такие, которые взялись за это дело, и дело пошло. В Баку стали гнать, как при

прежних хозяевах, бензин, керосин, вазелин и всякую всячину.

Оставался мазут, из него уж ничего не выгонишь. Но Киров знал, что в Америке и мазут идет в ход. Из него там тоже гонят бензин, но для этого нужны особые, очень сложные аппараты — крекинги. И Киров добился того, что заграничные крекинги появились в Баку и стали работать. Теперь уж ни одна капля нефти не пропадала даром. Киров так подбодрил инженеров и рабочих, что многие стали выдвигать свои, более усовершенствованные способы добычи и обработки нефти. Молодой инженер Матвей Капелюшников изобрел крекинг своей системы. Представил проект Кирову. Киров одобрил. По проекту Капелюшникова сделали крекинги, и они стали работать не хуже американских.

Баку уже добывал около семи миллионов тонн нефти.

Советская промышленность к тому времени начала работать полным ходом. И тартальщики, еще недавно голодные и оборванные, теперь жили в Баку по-иному. Киров не забывал о них и всячески улучшал их быт: построил для них новые дома, электрифицировал рабочие районы, организовал Нефтяной институт, в котором учились бывшие тартальщики и их дети.

ПОЖАР НА ПРОМЫСЛАХ

Промысла работали. Жизнь в Баку улучшалась день ото дня. И это не давало покоя врагам. Однажды ночью, под выходной день, когда промысла спали, тревожно загудели гудки и сирены. В рабочие кварталы донеслось ужасное слово — пожар. Рабочие выбежали из домов. Сильный ветер дул с севера. Все глядели в сторону Сураханских промыслов. Как раз с севера, с заброшенных вышек, на-

Баку — столица Азербайджана.

чался огонь, и его гнало сюда, на вышки, где скрипели насосы, выкачивая нефть. Люди бросились к месту пожара. Все знали, что нефтяной пожар — это стихия, бедствие, которое угрожает только что налаженной жизни.

Киров одним из первых приехал на пожар. Он тотчас же организовал штаб по тушению пожара. Нужно было прежде всего сделать просеку среди леса вышек, срубить их, как деревья в горящем лесу, чтобы не дать огню перебросится дальше на действующую часть промыслов. Народ разбился на бригады. Одни подпиливали и подрубали вышки, другие привязывали к вышкам тросы, а третьи, ухватившись за трос, раскачивали и валили вышки. Киров

сразу же увидел, что пожар продлится не час и не два, что люди устанут, захотят поесть, уйти домой отдохнуть. А из дому уже трудно будет им вернуться снова на фронт борьбы с огнем. Пусть тут же, в ста шагах, как на войне, в окопах, они смогут перевести дух, поесть и перевязать обожженные места. Для этого Киров организовал сейчас же походную кухню, чайную и медпункт.

Просека готова. Вышки свалили, разрубили и оттащили в стороны. Вдруг случилось новое несчастье: из лопнувшей цистерны горящая нефть хлынула в соседнее озеро. Огонь быстро разбегался по воде, на которой плавала нефть. Он угрожал богатому участку, и, если бы забрался туда, выгорела бы половина Сураханских промыслов.

Киров, схватив доску, бросается к озеру.

За ним с досками, с листами железа, с лопатами бегут другие. По пояс в горячей воде, отгоняют пламя. Многие обожглись, обварились, но пламя отступило.

Пожар продолжался двое суток. Все это время Киров оставался в самых опасных местах. Через неделю на погорелом месте росли уже новые вышки.

Так в опасные минуты работал Сергей Миронович Киров.

Как стойкого бойца, как закаленного в боях большевика партия послала его против нового врага, который пытался атаковать партию.

13 января 1926 года утром, как всегда, вышел номер газеты «Бакинский рабочий». На первой странице было напечатано обращение партактива к ленинградским коммунистам:

> «Волей высшего органа партии — ЦК — и тем самым волей всей партии руководитель азербайджанской организации нашей партии и любимец бакинских

рабочих товарищ Сергей Миронович Киров послан на работу к вам, в ленинградскую организацию. Как нам ни трудно расставаться с товарищем Кировым, как нам ни дорог товарищ Киров, нас утешает одна мысль — что он будет в Ленинграде.

Пять лет работы с Кировым в Баку показали нам, что он не только прекрасный работник, но и лучший товарищ. Мы глубоко убеждены, что вы не только не будете жалеть, что к вам переведен именно товарищ Киров, но и вы его скоро так же полюбите, как полюбили его бакинские рабочие.

Вы, товарищи ленинградские коммунисты, в лице товарища Кирова приобрели стойкого, выдержанного, старого большевика-ленинца и лучшего, умелого руководителя вашей организации».

ПРЕДАТЕЛИ

На четырнадцатый партийный съезд в Москву из Ленинграда приехала делегация. Сбившись в кучку, делегация эта держалась особняком и не смешивалась с остальными делегатами. Большевики, приехавшие со всех концов Союза, лучшие люди, которых выбрала партия, насторожились. Все знали, что это приехала ленинградская оппозиция, люди, которые пошли против всей партии и ее Центрального комитета. Во главе делегации стоял Зиновьев.

Кто же такой Зиновьев? Почему он вдруг изменил партии? Нет, вовсе не вдруг.

Еще в 1917 году, когда Ленин настаивал на вооруженном восстании и назначал его на 25 октября (по старому стилю), Зиновьев вместе с Каменевым отговаривали, возражали, голосовали против и даже пошли на то, что выдали буржуазии планы и сроки восстания.

Ленин тогда писал про них:

«В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников».

Значит, они предали партию?

Да!

Ну, а дальше, вопреки предательству, всем предсказаниям и карканьям, большевики победили, и во главе страны стало советское правительство. И только что оно сорганизовалось, как Зиновьев потребовал ввести в правительство меньшевиков и эсеров, разделить с ними власть, отдать советскую власть как раз тем, кто был против советской власти.

Настал 1925 год. Только что восстановили промышленность, разрушенную войной. Нужно было двигать дело дальше. Надо было сделать весь Советский Союз промышленной страной, строить новые заводы — и строить их по-новому, с таким расчетом, чтобы мы производили и лучше и больше, чем буржуазные страны.

Нужно было строить для того, чтобы добиться такой жизни, в которой люди составят одну семью, одно бесклассовое общество — построят социализм.

Этого не легко добиться — за это и в царских тюрьмах сидели и на фронтах бились, для этого и сейчас вот нужно напрячь все силы и не бояться никаких трудностей.

И Зиновьев, как тогда, в Октябре, снова сделал попытку сбить партию с верного, ленинского пути. Он стремился повернуть страну назад к капитализму и для этого старался доказать, что социализм построить невозможно.

Строить-то можно, изворачивался он, а вот построить все равно не удастся. Где же построить, когда кругом буржуазные страны? Сил нехватит, если на помощь не придет революция на Западе.

С. М. Киров в Ленинграде в 1926 г.

А если сил нехватит, то стоит ли строить?

Послушать Зиновьева, так и не стоило брать власть в октябре 1917 года.

А тут еще кулак в деревне растет, крепкий и страшный, говорил Зиновьев, а крестьянин-середняк — союзник плохой: он не за рабочим классом идет, а все больше к кулаку тянется. На такого союзника, стало быть, нечего рассчитывать.

Так говорил Зиновьев, а линия партии была другая. Партия говорила: кулак нам враг, а трудовой крестьянин — союзник, мы поведем его за собой.

Ленин и Сталин говорили, что мы можем и должны построить социалистическое общество, у нас есть все необходимое, чтобы его построить.

Зиновьев был против линии партии; он в Ленинграде подобрал своих сторонников из таких же изменников и паникеров.

Зиновьев не слушал указаний ЦК. Он хотел руководить ленинградской партийной организацией так, как будто это отдельная партия. Он вооружал своих сторонников против вождя партии большевиков Сталина, против ЦК, против всей партии.

Приехав на четырнадцатый съезд со «своими людьми», Зиновьев напрасно пытался привлечь съезд на свою сторону.

Сплошной стеной стал за дело партии съезд. Зиновьев и его сторонники остались одинокими. Партия была против них.

Зиновьеву пришлось оставить Ленинград, но он не оставил борьбы против партии. Он бросился к врагу партии Троцкому, против которого вчера выступал.

Против партии все союзники хороши, даже Троцкий. Теперь Зиновьев готов был работать с ним вместе. Позиции

их одни и те же. Вместе с Троцким он устраивал подпольные собрания и демонстрации против партии. Вместе с Троцким пошел он против советской власти.

КИРОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

Партия направила Кирова в Ленинград. Сергею Мироновичу нужно было прежде всего разоблачить Зиновьева перед всеми ленинградскими рабочими, показать, что путь Зиновьева — Троцкого — путь гибели, так как ведет к поражению революции. Это раз. А второе — сейчас же устранить от руководства всех тех, кого вырастила зиновьевщина, сколотить крепкий партийный актив и, опираясь на старых питерских рабочих-большевиков, вести работу так, как указал партийный съезд.

Киров сбил зиновьевцев и троцкистов со всех их позиций, он повел против них ленинградскую партийную организацию. Стеной вокруг Кирова вырастали ряды бойцов за линию партии. Под его руководством зиновьевская оппозиция была разгромлена.

Как всегда, Киров прежде всего начал с расстановки людей. Надо на все участки поставить верных членов партии.

Сейчас же, с первых шагов, надо было ответить ленинградской промышленности на боевое, срочное задание партии. На ближайшей очереди стояла индустриализация страны. Ленинград — крупный промышленный центр. Он должен построить новые электростанции, новые заводы. Он должен строить суда для морей и внутренних вод. Он должен оборудовать текстильные и бумажные фабрики, подать машины в Донбасс. Требовалось сейчас же обратить Ленинград в завод заводов.

Смольный. Здесь помещается Ленинградский областной комитет партии и Ленинградский совет.

Киров знал, что успех и неудачи равно зависят от людей — рабочих, инженеров, партийных организаций предприятий. Надо туда пойти, надо устроить так, чтобы эти люди могли работать. Надо сейчас же принять такие меры, чтобы люди убедились, что о них думают, заботятся, что им дают не только задания и приказания, но и средства и возможности делать свое дело. Надо было «дать делу ток».

Но, чтобы «дать ток», надо оживить все сразу, потому что нет такого дела, которое жило бы одиноко, как сухая кочка среди болота. Киров знал, что все дела тесно связаны между собой, как органы одного тела. Чтобы рабочие производили, нужно снабжение; чтобы было снабжение, ну-

жен транспорт; чтобы был транспорт, нужны топливо, металл, нужна продовольственная база.

А сама-то область пока ведь еще потребляющая. Поэтому она в свою очередь должна во-время дать свою продукцию стране.

Какую продукцию? Металл, конечно, машины. Это первое. А там Новгородский район перерабатывает свою глину на посуду, на электрооборудование. Карельский край гонит свой лес по рекам сплавом, гужом, буксиром. Дальше, на севере, Мурманский порт, наконец, под боком свой Ленинградский порт — окно в Европу.

ПОРТ

Старинный Петербургский морской торговый порт. Что это за морской порт, который стоит в реке? Вода там пресная, можно удочкой ловить самую настоящую плотву. А выйдешь из порта, не море — лужа; оно так и называется — «Маркизова лужа». Потому что море мелкое до самого Кронштадта, на тридцать пять километров. Так мелко, что для прохода морских судов выкопан среди мели канал в настоящее море, за Кронштадт. Он так и называется: морской канал.

А зимой лед. Встанет, и вовсе не пробьешься. Закрывай торговлю на полгода.

На Петербургский порт царское правительство смотрело скорее как на украшение города. По-настоящему власти интересовались только Кронштадтом. В Кронштадте стоят броненосцы и крейсера.

Если бы спросить в то время какого-нибудь государственного вельможу, конечно, знатока этого дела, про Петербургский порт, он вам ответил бы:

— Ну, уж сказать вам по-домашнему, что за польза от

этой ледяной дыры, замерзающей на полгода? Что там утюгами колотить лед до самого Ревеля? А что провезешь? Да и кто захочет среди льдов пароходы калечить? Ни один дурак туда не полезет. Держи канал от Ревеля до Кронштадта, от Кронштадта до Питера. Одни ледоколы чего стоят. А начнут тонуть иностранные корабли, беды не оберешься. Льдом им бока пропрет — и крышка. Нет, уж пусть стоит, как был. Наше окно в Европу с паутиной. Никто туда не полезет, и звать нечего.

Но вот грянула Октябрьская социалистическая революция. Новый хозяин — пролетариат — взял власть в свои руки. Совсем новые нужды появились в стране. Надо было в кратчайший срок вырвать ее из иностранной зависимости: закупить самые необходимые машины, станки для заводов, а потом устроить все самим, у себя дома. Но даром машины не дадут. Так пусть лесовозы везут лес из Ленинграда в Европу, пусть весь избыток нашего северного сельского хозяйства — масло, лен, яйца, битая дичь из Сибири — идет через Ленинградский порт. Пусть работают холодильники в порту, принимая этот нежный груз.

И вот на Ленинградский торговый порт сразу неожиданно наваливались работы и заботы.

Ленинградский порт — захудалое, покосившееся петровское окошко — приходится сразу и вдруг обратить в ворота, в широкие ворота, куда могли бы входить караваны судов.

Пока в Ленинградском порту наспех старались пустить в ход старое оборудование, иностранцы уже пришли за товарами. У ленинградских причалов сотнями скопились заграничные суда. Дело горячее. Денек зря простоит иностранный корабль, пожалуйте золотую копеечку... Судов набивалось все больше, и «копеечки» становились немалые.

В 1929 году получилось вот что. В порту оказалось много «хозяев»: трест по вывозке льна, по вывозке масла,

по вывозке хлеба — все хозяева. Каждый трест спешил наперебой провернуть свои товары через портовую погрузку. Трестовики вырывали друг у друга причальную линию, места у подъемных кранов, складочные помещения в холодильниках, под навесом. Тут с севера, из Карелии, сплавом, баржами, буксирами гнали в порт экспортный лес. Лес завалил весь порт штабелями досок, горами балансов, круглыми, как точеные бревна, готовыми сваями для Голландии, кварталами строительных брусков. Лес наводнил и закупорил порт, забил склады, подъездные пути, причальные линии. Вышло так, что лесу бери сколько хочешь, а другие товары и не протащишь к причалам. Лес мешает. Иностранцы, получив уплату за простой, уходили ненагруженными, и порт стал работать в убыток.

Перед Сергеем Мироновичем Кировым встала задача — решительно и сразу разгрузить порт.

Киров, как всегда, прежде всего посмотрел, какие люди в порту, чего этим людям нехватает и что нужно, чтобы эти люди весело и с подъемом работали.

А какие люди?

По погрузкам — грузчики, по льдам — ледокольщики. И Киров успел пересмотреть всех: и грузчиков, и матросов, и капитанов, и портовых сторожей, и начальника порта. И вот что он увидел. Он увидел, что спорят между собой организации, рвут место, переманивают грузчиков, суетятся и сталкиваются лбами. А когда дело не ладится, всю вину сваливают на лес. От этого и вся суетливая безнадежность на огромной территории неустроенного порта. И Киров рассчитал: надо сейчас успокоить людей и поставить их на дело, на такое дело, которое каждый бы знал.

Киров сказал:

— Грузить все, кроме леса. Не бойтесь, пусть наваливают.

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПОРЯДОК

И вот стали отходить пароходы, груженные всем, кроме леса. Но Сергей Миронович ни на одну минуту не забывал, что есть еще всякие мелочишки и они-то зачастую тормозят и даже губят самые большие дела. Эти-то мелочишки повседневной жизни порта Киров заносил в свою книжку, а больше в свою исключительную память. Он помнил про столовую для грузчиков, про рукавицы, спецодежду, про смазочное масло для подъемников, про ремонт ледоколов, про поломанные сходни, про электрические лампочки для ночной работы, — и люди, работавшие в порту, все поняли, что о них думают и заботятся, и стали любить работу и думать о ней.

Разумеется, все знали, что о них думает Киров, что это он заглянул в их борщ, зажег свет на путях погрузки...

Теперь пароходы подходили к пристани, и против них уже стояли открытые двери вагонов. Это Сергей Миронович подтянул железнодорожников и работающих в порту:

— Вы ссоритесь? Так вот вам: на железных путях не опаздывать, но и на воде не зевать. Виноват тот, кто проморгает.

И не моргали. Без всякой перегрузки из трюма пароходов начали валить кладь прямо в вагоны. Двери на пломбу — и подавай другой состав. А прозевал, смотри, уж вина на тебе.

Причальная линия разгрузилась. И вот уже горы леса, штабеля досок пошли в ход. Дошла и до них очередь. Но тут зимний лед встал в «Маркизовой луже» до самого Ревеля.

Протолкнуть эту лесную пробку может только сила ледокола. Сергей Миронович — к ледокольщикам, их спрашивает.

— Да, пять, шесть, от силы семь пароходов поведет за собой ледокол. Вот наша норма, больше никогда не важивали, — говорили опытные старики-спецы.

Но Сергей Миронович видел, что с такими темпами пробка останется до весны, а ждать нельзя, надо сейчас разгрузить затор.

Киров зовет ледокольщиков-большевиков.

— Товарищи, пароходы надо вывести. Иначе наше дело в опасности.

На стене карта. Тут начальник порта Бронштейн посчитал: надо штук тридцать пароходов провести за кромку льда за одним ледоколом.

— Дело трудное, — говорит Бронштейн.

— Надо, — говорит Киров. — Понял?

— Понял, — говорит Бронштейн.

— А пароходы тонуть будут? — спрашивает Киров, а сам усмехается: знает, что, пожалуй, без этого не обойдется.

— Может статься, Сергей Миронович, — говорит Бронштейн.

— Поведешь ты. И смотри, тони вместе с ними, — засмеялся Киров. Он знает, что за свое дело в революции надо итти до самой смерти.

Ушел Бронштейн и повел ледокол, а за ним тридцать пароходов. Тут не моргай. Ледяные поля на ветру ломаются, их несет по морю, как плавучие острова, и грузовые пароходы, как утята за маткой, идут за ледоколом. Отнесет, отобьет от стаи пароход, разрежет, как ножницами, сомнет, как в клещах, и потопит вместе с дорогим грузом.

А зимой темь до полдня, малый день и снова темь и штормовые ветры. До свободной воды, до самого Ревеля, толкись во льдах. Паси это стадо! Но ледокол пошел и дошел до кромки льда. В эстонском порту, в Ревеле, не жда-

ли, что такую ватагу приведет один ледокол, и не знали, куда принять это множество судов. Ни один пароход не отбился от стаи!

ЛЕДОКОЛ НА РЕКЕ

Лес уплыл за границу, в порту вздохнули свободнее. Казалось, что все пошло на лад. Сергей Миронович взялся за другие дела.

И вдруг закрутили морозы. Замерзли озера, реки и каналы, а по этим каналам и рекам буксирный флот с баржами и пароходами спешил в Ленинград. Не поспел, и всех зажало льдом. Кирову доложили. Он знал, что это значит. Город останется без дров, без стройматериалов, без продуктов. Значит, сорван будет годовой план. А весной лед в щепы разломает застрявшие баржи, потопит ценный груз, запрудит каналы... Нет, оставлять этого дела нельзя.

Кто поможет? Конечно, люди. Надо заставить их поверить, что они победят и теперь, победят непременно и во что бы то ни стало даже, казалось бы, такую непреодолимую стихию, как мороз.

Сергей Миронович зовет начальника порта. Бронштейн знает, в чем дело, он знает, что караваны стали, что Нева во многих местах промерзла снизу доверху, что перегородили ее заборы и ледяные плотины. А люди — от рыбака до капитана — на всех водных путях опустили руки, завернулись в тулупы и по старому обычаю залегли на теплую печку — «против рожна не попрешь».

Но в Смольном разговор другой: надо, чтобы флот, весь речной флот, был здесь, в Ленинграде. Лед на пути — через лед. Зажоры — через зажоры. Ну, а как это сделать? Ледоколом? А виданное ли дело, чтобы ледокол ходил по рекам, чтобы лед били в каналах? Да это мальчишки в

порту засмеют! Сколько стоит Нева, ни один ледокол не совался в невский лед, ни один не ткнул носом невские зажоры.

А в каналы—туда и не просунешься: узко. Лед стоит, как пол в коридоре, как плотная загородка. По бокам канала огражденные берега: колоть лед в канале — это значит громоздить льдины стоймя. Кто на это решится?

Но был приказ: надо. И Ленинградский порт послал ледокол «Силач» на это рискованное дело, хотя, правду сказать, мало кто из старых ледовиков верил в удачу.

Старики знали: речной лед крепче морского, он весь — как литой кусок стали. Как мощные мосты, зажоры перегораживают быструю реку, и вода стоит уступами от зажора до зажора, и зажоры покрыты сверху, как чугунным настилом, сплошным льдом. И вдруг небывалый ледокол бьется среди звонкого льда. Река несет кружащиеся льдины за корму ледокола, он рвет вперед, бьет зажоры носом, выскакивает на ледяной барьер, соскальзывает вниз, снова бьет, а с ледокола по радио летит телеграмма Кирову: «Бьем!»

А Киров отвечает: «Круши дальше. Хоть треснуть, да пробиться!»

Треснуло! Не ледокол. Треснул первый зажор. Течение подхватило льдину, рухнула ледяная плотина, поднятая вода понесла ледяные глыбы и упала. Уже под вторым зажором засветилась пустота, вода его не подпирает, не держит, рухнул и второй мост. Засветились ледяные глыбы в течении. Бросились на ледокол — ледокол увертывается, прет вперед. Льдины летят с разгону, крушат передний зажор. Вода падает, уходит в море, а ледокол уже летит к третьему зажору. Он обвалился, полуразрушен. И несется телеграмма в Смольный: «Прошли Обуховский».

«Рвите дальше», отвечает Смольный.

Причалы Ленинградского порта.

И вот лед глыбами несется по реке, крушит с разгону остатки зажоров, уносит в море. Вот река уже на десятки километров свободна ото льда — это ледокол «Силач» гонит лед. Шевельнулся лед в каналах — это осела вода, проломался ледяной пол. Туго, со звоном и скрипом полез лед между узких берегов. Ожили застрявшие барки, проснулся пар в котлах замерзших буксиров.

«Силач» осенью устроил весну. Лед прошел, когда никто не ждал ледохода. Теперь пусть пройдут все баржи, караваны.

Небывалое дело в истории речного плавания совершилось. А совершилось оно под решительным натиском привыкшего к риску старого подпольщика Сергея Мироновича Кирова.

Теперь, Нева, засыпай до весны!

Дело твое, товарищ мороз, а мы свое сделали: все на месте, ни одной баржи в каналах!

Кирову не до сна. Старого Петербургского порта, на который когда-то махнули рукой купцы и царские вельможи, который спал всю долгую северную зиму, — его уже нет.

В Ленинградском порту и зиму и лето ворочаются краны, там гоняют паровозы, ледоколы, выводят вереницы судов и встречают иностранных гостей, чтобы провести их к причалу, — Ленинградский порт навсегда забыл зимнюю спячку. Летят радиограммы с моря прямо к Кирову на работу, в Смольный, на квартиру.

Но порт — это только один уголок кировских дел. Да и порт не один в Ленинградской области. Там, на севере, за карельскими болотами и лесами, за полярным кругом, другой порт — Мурманский.

КОРИДОР БЕЗ ДВЕРЕЙ

Мурманский порт — это незамерзающая гавань, отлично устроенная природой. В гавани круглый год можно выгружать и нагружать пароходы, только приложи руки.

Но какой толк в том, что суда всего мира будут приходить в Мурманск и выбрасывать на берег свои грузы, если их дальше некуда будет двинуть? За Мурманском тундра, и по этой тундре наспех, кое-как перекинута железнодорожная времянка, второпях сложенная царским правительством во время войны. Она вся расползается, и по ней больше ходит ремонтных паровозов, чем товарных составов. Ее так и называли: коридор без дверей. В Мур-

манск можно было заслать груз, но в трясине Мурманской железной дороги он должен был завязнуть.

Во что бы то ни стало надо сделать из этого коридора без дверей настоящую железнодорожную магистраль, с настоящим грузооборотом.

А мурманская времянка и при заботливом уходе еле дышала, и паровозы с риском хлюпали по тундре с полупорожним составом. Надо строить дорогу, и немедленно, потому что Мурманск зимой подает заграничные детали, а без них не заработают фабрики. Ответственность за это лежит на Ленинградской области, за Ленинградскую область отвечает ленинградский пролетариат, ленинградские большевики, их вождь и руководитель—Киров. Мурманск—это не только незамерзающий порт — это северная Астрахань. Здесь океанский лов рыбы. Здесь древнее поморское рыболовство. Действительно древнее: столетними, дедовскими способами здесь ловят поморы треску. Ее здесь столько, что еще царское правительство подумывало: не кормить ли ею всю армию во время постов?

Надо реорганизовать местное рыболовство. Надо поставить рыбный промысел так, чтобы от него была польза всей стране. Надо заводить настоящий, промышленный траловый лов — отправить на покой посудины времен Ивана Грозного и завести взамен их стальные пароходы — траллеры.

Надо узнать, как живут там люди, надо соединить, сбить их в артели, надо дать им хлеба, капусты, овощей — пусть они дают взамен рыбу! Надо дать им сети, пароходы, нефть, уголь. Выделить Мурманку в особое хозяйство, в железнодорожно-хозяйственный узел, Мурманский колонизационный комбинат. Ведь дорога шла по пустыне. Пусть кругом нее растет население! Пусть строят поселки! Пусть заводят свое хозяйство! Устроятся люди — устроится и дело.

НЕВЕДОМЫЕ ГОРЫ

А там, на восток от Мурманки, — что там? «Безглагольна, недвижима мертвая страна». Тундра, глухой лес, бездорожье, и, как зубы в старой челюсти, торчат крепкие каменные горы. Что за горы? Может быть, они чего-нибудь стоят? Надо подолбить, поскрести. Пусть займутся знающие люди. Знающие побывали, поскребли, подолбили. Одни знатоки говорят: горы дрянь! Но другие приехали оттуда с восторгом в речах и с такими надеждами в душе, что Киров заслушался:

— Горы громадные, состоят из апатита — ценнейшего материала для удобрения полей. Только бери да коли — мировые богатства!

Вот и решай! Если мировые богатства, так ведь стоит по топкому месту провести дорогу, стоит кинуть деньги, энергию и ценных людей на то, чтобы устроить целый город, который жил бы этими горами. Сам жил и посылал бы жизнь полям пшеницы, овса, чтобы зацвели и зазеленели места, где на тощей глине сейчас через силу пробиваются чахлые ростки.

Эти горы могут переродить целую страну, накормить миллионы людей.

А хмурые старики бубнили свое:

— Вздор!

Да и старики-то не простые — уважаемого звания, иностранные специалисты.

Как решить?

Не мог ведь Сергей Миронович Киров быть рыболовом, металлистом, железнодорожником, фарфорщиком, судостроителем и, наконец, геологом.

Кто знает! Размечтались ли советские энтузиасты, или правы трезвые заграничные спецы? А ведь вложить-то надо в это дело миллионы!

И вот Киров оделся потеплее и поехал сам посмотреть. Не геолог, не горняк, а надо решать дело.

Зима стояла крепкая, но что такое городская зима перед зимней стихией тундры!

Тундра — это сухопутное море. На сотни километров ровная, как стол, она дает ветру разойтись, разгуляться, и он упорно дует, рвет снег, взметает его ввысь и несет, заметая пригорки и заросли.

Попавши в зимнюю ночь за полярный круг, невольно подумаешь: это место не для жилья. Здесь бушует стихия, которая вмиг оледенит и засыплет все живое. Можно только взглянуть, на один короткий миг, чтобы сейчас же повернуться и бежать. И городские зимние улицы вспоминаются, как светлая, натопленная квартира.

СКВОЗЬ ВИХРЬ И СТУЖУ

Сергей Миронович приехал на станцию, вышел. Едва в темноте разглядел два снежных сугроба — занесенные полярной вьюгой железнодорожные вагоны. В этих снятых с колес вагонах и помещалось все управление станции. Здесь рабочие, здесь и отделение треста.

«Вот как живут люди», подумал Киров. Но надо было ехать дальше. За тридцать километров отсюда находились те места, которые нужно было осмотреть, та самая «овчинка», о выделке которой шел спор.

Странно было садиться в автомобиль среди этого снежного моря: как будто собираешься на дрожках прокатиться по океану.

Кто-то из приехавших сказал:

— Кто тут жить собирается? Здесь просто выстоять пяти минут нельзя.

Ленинградский инженер Чиркин, в дрянненьком го-

Хибины. Здесь под руководством С. М. Кирова вырос город Хибиногорск, который теперь называется Кировск.

родском пальтишке, примостился на платформе грузовика. Кирова посадили в кабинку, рядом с шофером. Автомобиль тронулся. Проехали полтора километра. Казалось, ветер режет из-за скорой езды, и, если стать, будет тише. Инженер мерз на платформе. Он поднял воротник, весь сжался в комок. Он старался сесть пониже, укрыться за бортами платформы. Но ветер лихо вздымал снежную пыль, свистел над головой. Инженер был уверен, что он не выдержит этих тридцати километров. Хоть бы стали! На минуту стали! Вдруг автомобиль остановился. Шофер выскочил из кабины. Инженеру не стало легче. Он увидел, что этот режущий холод не от езды.

Инженер понял, что северный ветер здесь хозяин. Он бросает и порошит снегом резво и лихо, чтобы помучить, не сразу заморозить. Киров тоже вылез из кабинки. Шофер возился около колес, накручивал цепи. Скользит, буксует.

— А вы что, кажется, замерзли?

Да каким теплым голосом спрашивает! Видно, что ему хорошо там, в будке.

Но инженер приободрился от этого голоса:

— Да ничего, Сергей Миронович, как-нибудь!

Но Сергей Миронович уж лез на платформу.

— Да ну вас, еще застынете вовсе. Я поплотней вас одет. Сейчас же лезьте в будку.

Киров немногим лучше был одет. Инженеру не хотелось сдаваться.

— Что, вас силой тащить, что ли? — кричит весело Киров. — Слезайте сейчас же!

Инженер сопротивлялся, хоть уж знал — не оставит его здесь Киров. Но все-таки было неловко. Его запихали в будку.

И опять, как корабль в снежном море, с ухаба на ухаб, как по волнам, грузовик стал прокладывать путь дальше.

Прошли двадцать километров. Нет! Дальше не берет мотор. Инженер отогрелся. Путь кончили на санях.

СТРОИТЬ ХИБИНЫ!

Настал короткий полярный день. Киров и его спутники у цели. Вот они, горы, эти таинственные горы! Может быть, полные богатства, а, может быть, пустые, жесткие тычки среди тундры, не стоящие тридцати километров такого мучительного пути.

Теснина среди гор, коридор, где продувает пронзительный сквозняк из тундры. Барак, в котором свистит ветер,— это штаб начавшихся разработок.

Вот там, наверху, на высоте девяноста пяти метров,— скважина, ведущая в глубь горы. В нее можно заглянуть и увидеть, какой клад заперт в этой снежной пустыне, в этих каменных сундуках.

Киров полез к этой скважине. Надо непременно было самому заглянуть сюда. Всю ночь до рассвета в дырявом бараке Киров слушал, что говорили люди, которые жили у этих гор и вскрыли их нутро.

Люди говорили разное.

Одни видели в скважине горы богатств; другим эти богатства казались жалкой безделкой.

Киров лез по обледенелой круче. С ним лезли люди — и те, кто хотел показать Кирову хибинские богатства, и те, кто не верил в них.

Не всем удалось взобраться по обледенелой круче, на ледяном ветру, по ледяным скатам. Но Киров долез. Долез до самой высшей точки, где открывался ход внутрь горы. Вот оно, нутро! Вот слои богатства! А вот пустая, ненужная прокладка. Кирову объясняли, при нем спорили — Киров молчал.

В бараке он еще записывал в книжку эти разноречивые доводы. Здесь он смотрел и слушал; никто не знал, как он решит. Может быть, и сам он тогда еще ничего не решил.

Да и легко ли решить: пустяк или миллионы?

Киров вернулся в Ленинград, узнав, что Хибины — это горы, куда взобраться так же трудно, как взять приступом крепость; что в этом снежном, бушующем море, около гор, люди живут в своих бараках, как в утлой лодчонке; что надо затевать целое строительство, что надо устраивать культурный остров в этой пустыне. И все это сделать

можно и нужно во что бы то ни стало, если... если правда, что это каменный сундук с кладом.

Все ждали, что скажет Киров. Ответственность за все предприятие падала на него — ему решать.

И Киров решил — строить Хибины. Хибины должны себя оправдать. Надо поставить тут город, и кто еще знает, что можно будет добыть из этих камней — апатитов. Только прежде всего нужно устроить там людей.

Киров сам побывал и на вокзале, состоявшем из двух вагонов, и в барачном штабе строительства и сам проделал весь путь на открытой платформе грузовика. Не нужно было объяснять Кирову, что требуется для жизни в Хибиногорском комбинате.

ОКЕАН ЗА СТЕКЛОМ

Северней Хибин — Мурманск. Там незамерзающая Екатерининская гавань.

Незамерзающая? Ее надо смотреть зимой. Это самый важный и ответственный период ее работы.

И Киров из Хибин по мурманской времянке двинул на север. В Мурманске Сергей Миронович прежде всего обратил внимание на то, как живут люди. Что за странные здесь дома и почему их называют «чемоданами»?

Эти временные домишки привезли с собой интервенты-англичане в гражданскую войну. А вот здесь как будто настоящие здания, но как их мало!.. Неважно, неважно живут люди в этом важном и ответственном всесоюзном порту.

А вот и самый порт. Киров осмотрел причал Мурманского порта. Ему показывали рыболовные суда. Огромный залив дышал приливной и отливной волной, черной и тяжелой в зимней полярной темноте.

Но кто же руководит рыболовством? Где командный штаб? Кто следит за рыбой, за ее обычаями, нравами?

Первые бараки, построенные там, где теперь стоит город Кировск.

Киров поехал в Александровск. Вот здесь наблюдают и следят за рыбой, за ее врагами, за ее пищей, за ее обычаями и нравами. Кирова привели к стеклянному аквариуму. За прозрачными стенками жило море, отгороженный стеклом кусок океана. Здесь плавали рыбы, росли кораллы, ползали раки, извивались водоросли, кустами стояла морская трава. Здесь — научный штаб рыболовства Мурманской биологической станции.

А вот начальник штаба, старик Клюгер. Он уже тридцать лет не спускает глаз с этого водного царства. Он следит за ним, изучает, он делает выводы. Это — научная база северного океанского рыболовства.

Старик говорил и говорил. Он мог рассказать тысячи

самых тонких подробностей о жизни самых маленьких рачков, моллюсков, мельчайших существ, которыми полна живая вода океана.

Киров слушал и не мог отвести глаз от подводного царства.

Уже спутники Кирова устали: устали стоять, устали слушать подробные объяснения ученого, а Киров все смотрел, все спрашивал. Здесь были те же богатые недра, что и в Хибинах, только не каменная, а водная стихия.

Киров заглянул и в эту богатую глубь. Три часа, не уставая, слушал Сергей Миронович рассказы профессора. Приставить людей к этому делу, дать им в руки средства, привязать их к этой воде, чтобы им удобно, чтобы им хорошо было жить около нее, и чего-чего только из этой воды ни вычерпаешь!

Только... Ох, большое «только»! Надо наладить снабжение мурманского берега — это раз, а тут времянка! Потом дать сюда настоящие паровые стальные суда. Это сделает ленинградское судостроение. Да! Ведь паровым судам нужно топливо. Это значит — опять о проклятую времянку споткнешься!

Стойте! А снасти? Снасти от Иваново-Вознесенска. «Только» выходило очень большое. Но и очень большое «только» не испугало Кирова.

Он вернулся в Ленинград, полный думами о Мурманске и Хибинах. Скоро Сергей Миронович Киров уже знал, каких людей нужно туда поставить и как этих людей устроить, чтобы они завертели дело.

И дело завертелось.

И вот в том месте, где было страшно выстоять пять минут, где казалось нелепым думать об устроенной жизни, вырос город с улицами, с театром, со школами, с банями, с мостовыми. Выросли огороды с брюквой, с капустой, с помидорами. Выросли деревья, какими обсаживают южные

бульвары, кусты сирени. И сорок тысяч человек живут на том месте, где еще так недавно Сергей Миронович в дощатом бараке прислушивался к хриплым спорам: «Вздор Хибины или бесценный клад?»

Этот город создал Сергей Миронович Киров. Теперь он так и называется — город Кировск.

Этот край дал себя почувствовать не только в Союзе, но и за границей, откуда посыпались заказы на хибинские плодоносные камни. И это в каких-нибудь пять лет. Мурманка укрепилась. Она перешла на обычный путевой режим: с товарными составами, вокзалами, экспрессами, станционными поселками.

В Мурманске каменные здания сменили «чемоданы». Траллеры ленинградского выпуска ловят треску в океане. Рыболовные колхозы по мурманскому берегу заменили кустарный летний лов сезонщиков-поморов.

Но все это только северный фронт ленинградской работы Кирова.

АРТИЛЛЕРИЯ ПОЛЕЙ

Был второй год пятилетки. По всей стране шел бой за коллективное сельское хозяйство. Надо было поднять весь трудовой крестьянский массив, миллионы нищих-собственников убедить в том, что единственный путь выхода из нищеты — это путь коллективного хозяйства, да такого, какое не снилось ни российским помещикам, ни американским фермерам.

Бой шел по всему фронту необъятной страны. Киров — на одном из самых ответственных участков: из Ленинграда на боевую линию колхозного фронта надо было во-время, без опозданий, к сроку, выкатить артиллерию сельского хозяйства — тракторы.

Первые каменные дома в Кировске.

Киров знал, что в этом деле на него надеется партия. Ленинград может погубить, может и вывезти, если дать тракторы к сроку. Тракторы делает Путиловский завод. Директор обещал Кирову двенадцать тысяч штук. Но Киров тот же, что был в Астрахани, в Баку, на южном фронте. Он знает, что всякое дело — от боевого до домашнего — состоит из тысячи звеньев. Все эти звенья тесно между собой связаны, и все они в руках тысяч людей, от которых зависит и промышленность, и фронтовой быт, и тушение пожара, и выпечка хлеба. Стоит задача: дать трактор. Директор обещает. Но, может быть, директору тоже кто-нибудь обещает, а этому пообещал другой? А машина состоит из тысячи одинаково важных частей. В этой слож-

Мурманский порт — самый северный незамерзающий порт в СССР.

ной машине нет ничего лишнего. Там все главное. Если где-нибудь заест — будет заминка по всему колхозному фронту.

И вот, не довольствуясь обещаниями, Киров едет туда, где рождаются тракторы, — на завод «Красный путиловец». Киров знает, что дело не в директорском кабинете, устланном коврами, и что не спасет письменный стол с массивными чернильницами, если там, где-то в маленьком цехе, портит работу какой-нибудь токарь второго разряда. Киров идет в цех. Он прощупывает всю цепь, от звена к звену, ищет слабое место. Почему посреди поля глохнет мотор и надолго останавливается трактор? Где-то заедает поршень, клапаны. Нет, поршень исправный, а гадят те поршне-

вые кольца, которые на него надеты. Они лопаются, а запасных колец нехватает. Киров — уже в механическом цехе, на линии поршневого кольца. Вот уже у Кирова в руках то слабое звено, которое лопается и рвет всю цепь.

— Вот главный «вредитель», который кольца недодает, — смеясь, говорит Тер-Асатуров, технический директор завода, показывая на мастера цеха.

— Вредителей сажают, — улыбаясь, говорит Киров.

— А хлебом кормят? — в тон ему отвечает «вредитель».

— Какой вредитель, а то и хлебом кормить не велю. Ну, говори, когда сможешь дать кольца?

— Дайте подумать, — отвечает «вредитель», мастер цеха Амелюшкин.

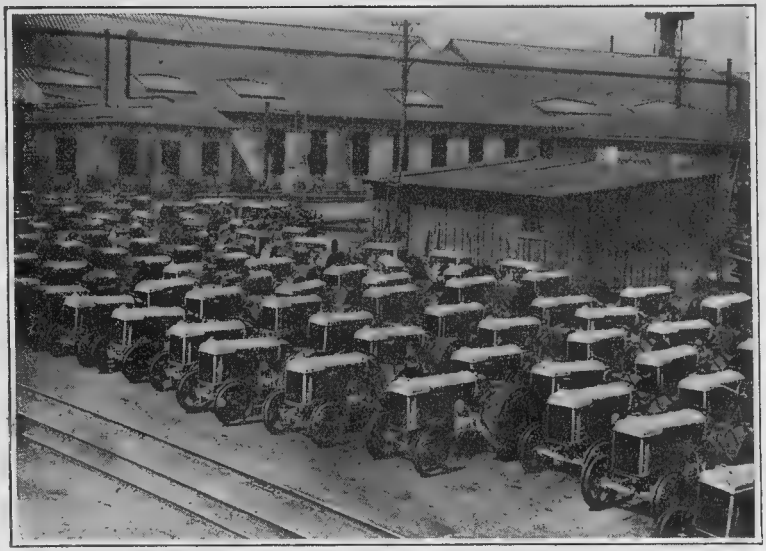
— А сразу не скажешь? Ведь дело серьезное. Видишь, ведь ЦК партии приказывает, надо делать.

Киров не выпускает из рук слабого звена, пока его не укрепит, пока не найдет тех причин, которые мешают честному работнику провернуть дело.

Что надо? Станки переставить? — Переставляй! Принести из других цехов? — Неси! Наладить под производство свои станки? — Валяйте, переворачивайте хоть весь цех, но чтобы на линии кольца не заедало!

Киров уехал с завода, точно зная, на каком участке какой человек и какое дело должен выполнить, чтобы Путиловский завод дал в срок боевые орудия. Теперь спрашивал не о кольцах вообще, а перенесли ли, установили ли большой станок из соседнего цеха, пущен ли он в ход, или еще не наладили.

Из деревень, из колхозов шли теперь требования уже не на какой бы там ни было тракторишко, — требовали хорошую, удобную машину. Нужно было спешно спроектировать и наладить производство новой машины, годной для работы на совхозных и колхозных полях.



Готовые тракторы Путиловского завода перед отправкой в колхозы.

Спроектировали, наладили станки и к сроку обещали выпустить с завода новые машины — тракторы-пропашники. И Киров уже опять сам на заводе.

Киров стоит у конвейера, наблюдает, смотрит, ничего не пропускает, а потом зовет к себе директора.

И опять обещает директор: будет, сделаем, будет программа!

— Нет, — говорит Киров, — так ничего не выйдет, не будет программы. Техники вы неплохие, а организаторы пока еще никуда!

Все части новой машины делают из самых прочных материалов на новехоньком оборудовании, на лучших стан-

ках. Точность каждой спроектированной детали проверяли в специальной измерительной мастерской. По проекту все части машин должны приходиться друг к другу точней, чем патроны к винтовке. А вот на сборке все неполадки да неполадки. В чем же дело?

А дело только в том: не увязана эта измерительная аптека с работой цеха. Не ведет она цеха за собой, а идет сбоку, своей дорогой. И вот Киров уже в измерительной мастерской. Смотрит: с точностью до одного микрона, до одной тысячной миллиметра, тончайшими приборами меряют мастера ту и другую деталь. И выходит, что девять деталей цех сработал точно, а в десятой ошибся на самую малость: при сборке она упирается, не лезет, и приходится после станка пригонять ее вручную.

— Так, — сказал Киров, насмотревшись на эту работу. — Здесь вы микроны ловите, а на сборке детали кувалдой загоняют!

Но ведь не в том дело, чтобы только указать на промах. Надо весь завод, все цеха подбодрить, заставить людей понять, что они стоят на самом ответственном месте в бою. Тогда путиловцы встряхнутся, поймут ответственность и найдут способ организовать дело.

Тут же, в цехе, во время обеденного перерыва рабочие обступали Кирова. Сергей Миронович говорил о значении путиловского трактора для посевной компании, для коллективных хозяйств, для всего Союза.

— Нам, ленинградцам, нельзя ударить лицом в грязь, тем более вам, товарищи, с путиловской закваской.

И вот не только пообещал, но и выпустил завод двенадцать тысяч тракторов, и тракторное дело оказалось так организовано, что в 1931 году «Путиловец» дал уже тридцать две тысячи тракторов.

Завод уверенно стал работать на сельское хозяйство, и прежний Путиловский завод, который при царе знали,

как важный завод военных заказов, теперь стал известен по всему Союзу, по деревням, по колхозам своим путиловским трактором, о котором так хлопотал Сергей Миронович Киров. И понятно становится, что если уж какой завод в праве носить кировское имя, то это Путиловский. Так он теперь и называется — Кировский завод.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЗЕМЛЯ

Если бы можно было пробежать быстро пешком по Ленинградской области, то запомнилось бы одно: болота, болота, непролазные болота. Болото под лесом, болото в кочках, а на кочках шатаются чахлые березки, еще болото — нагишом из него ежиком торчит осока. Болота с каменными громадными валунами, с гранитными глыбами, а в остальном... да в остальном тоже нерадостно: глина, замшелая тундра... Нет, неважная землица, неважная почва в Ленинградской области. Есть, конечно, острова среди этого моря болот, но они, как оазисы в пустыне. Болота, лес, валун, суглинок — вот какая ленинградская земля.

Эта земля издавна пугала земледельцев. Древние новгородцы давным-давно рукой махнули на хлебопашество. Кормились люди в этих местах не своим хлебом. Били зверя на мех, рубили бор на бревна, пасли скот по лесам, ставили ульи на деревьях, гоняли ладьи на север за полярной пушниной. Жиденькая рожь вырастала местами да низкий овес, и уже все знали: хлеба дальше рождества не станет. И при царе, как ни старались мужиков палками приучить к крестьянству, все равно никаких пахарей на этой земле не заводилось. Грошевое, нищее дело было земледелие в тех местах, что нынче зовутся Ленинградской областью.

Но вот поставлена задача: из тех людей, которые

испокон веку питались чужим хлебом, сделать людей, которые могли бы прожить своим хлебом, своим сельским хозяйством и еще сдать избыток государству. Осталось только либо этих людей переселить на другую землю, либо другую землю подвести им под ноги. И решили сделать самое трудное — второе. А как исправить землю, как заставить этот тощий суглинок давать урожай на весь год, а не до середины зимы? Куда деть болота с валунами и кочками?

И вот ленинградские почвоведы сказали: «Да это давно известно: самую плохую землицу начать удобрять, так она пахаря прокормит!»

А чем удобрять? Народ старательно возит навоз уже который век, а толку нет. Удобрение придумано, — сказали ученые, — пожалуйста, давайте фосфор, давайте селитру, давайте кальций. Целый рецепт написали ученые, но ведь с ним не пойдешь в аптеку, когда этими мудреными лекарствами надо вылечить поля целой области. А главное — фосфор. Дорог фосфор. Ведь этакий посев вскочит в копеечку! Пожалуй, лучше взять да закупить этот урожай, где хлеба побольше. Еще сдачи останется. И вдруг оказывается: среди тех же полей, которые чахнут без фосфора, он тут же лежал, в тайниках Ленинградской области, но в таком виде, что его никто не узнавал. Ленинградские ученые нашли фосфор в камнях и после исследования получили в чистом виде желтый фосфор. Он воскового вида и до того легко загорается, что его нельзя хранить на воздухе. Его заливают водой, и вода укрывает фосфор от воздуха, от кислорода. Вот в таком-то виде, в баночке, желтое вещество, залитое водой, показали Кирову сотрудники ГИПХ — Государственного института прикладной химии.

— Что это? — спросил Киров.

Ему сказали.

— А что из него делают?

На XVII съезде ВКП(б). На трибуне товарищ С. М. Киров

С картины художника Д. Налбандян

Говорит Киров.

— Ну, как что! — сказали ученые. — Из желтого фосфора можно получить красный, ну, можно получить фосфорные кислоты, ну, соли фосфорных кислот...

— Да стойте, — сказал Киров. — Ведь это же величайшей важности дело. Вы знаете, что вы сделали? Поставьте только производство дешевого фосфора. Да погодите, много ли сырья?

— Горы, — коротко ответили геологи. — Сырье — апатиты.

Дать это удобрение, —решил Киров, — и область

станет есть свой хлеб. Да не один только хлеб вытянет из земли этот фосфор — лен, коноплю, овес. Дай только почву.

И Киров подгонял «прикладных химиков»:

— Давайте скорей заводской метод. Дело вырастает в сказочных масштабах.

НОВЫЕ КУЛЬТУРЫ

Земля в Ленинградской области стала другой — и урожаи другие. А сеяли по-старому — рожь да овес.

Что же, боялись? Боялись, например, капусту посадить? Ну, скажем, сунуть в землю два-три ростка? Пусть не вырастут, эка беда!

Нет, крепка была вера, что все равно ничего не выйдет. Так в это крепко верили, что даже и пробовать не пытались. И если бы спросить тогда северного крестьянина:

— Ну, как у вас с капустой?

— Наша капуста привозная, — ответил бы он.

— А своя-то что же?

— Эко сказал, у нас она не родит.

— А ты пробовал?

— А чего ее пробовать, коли родила бы — не мучились бы люди с привозом, а сажали бы да ели... Не сидели бы по году без щей.

Киров сказал:

— В нашей области и антоновка может расти, — надо только решиться смелее.

И вот решились, и дело пошло. Картошка, которая, как крымское яблоко, считалась привозным лакомством в архангельской тундре, вдруг стала расти на берегах холодной Печоры. Сначала картошка ударилась в ботву, разрослась широким стволом ввысь и не давала ни одного котяшка в земле. А потом ее угомонили, и эта картошка за

двухмесячный полярный день вызревала, и до новых холодов печорские крестьяне выкапывали ее из теплой еще земли. Изумленным старикам стало казаться, что и солнце как-то иначе светить стало, по-новому. А то бы откуда же картошке вырасти! Виданное ли дело!

Киров знал, что картошка — персона важная, за ней стоит поухаживать, что следом за картошкой пойдут и другие овощи. И вот было постановлено: производить картошки пятьдесят процентов и пятьдесят процентов остальных овощей, так, чтобы в своем новом хозяйстве вся Ленинградская область стала на свои ноги и могла обойтись без привоза.

Но решить это одно. А как сделать? К земле, а особенно к огородам, нужны руки, а рук нехватает на другие дела. Но Киров твердо верил, что люди придут. И в Баку, и в Астрахани, и в Саратове, и в Хибинах видел же Киров, как приходили люди и делали невозможное возможным. Он помнил, знал, как на его глазах ледокол осенью устроил весенний ледоход на Неве. Надо только найти людей, надо дать им условия.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ТЕРОЧКИ

Когда сорняки стали глушить молодые ленинградские огороды, один деловой человек сделал маленькое изобретение: пропольник для огородных грядок, простой, вроде жестяного совка, как терочка. Напечатали в газете про него, но таким мелким шрифтом, что решил — никто не прочтет. Мелким шрифтом хорошо печатать о крупных делах. Все равно прочтут, увидят. А об этой жестяной терочке — кому она нужна? Ни один человек не прочтет.

Как раз тут и ошибся изобретатель терочки. Один прочел. Тот самый, который искал деловых людей с их мелкими на первый взгляд делами.

С. М. Киров и Ф. Э. Дзержинский (1926 г.).

Звонок по телефону. Изобретателя жестяного пропольника требуют в Смольный.

— Это про вас напечатано? — спросил Киров и ткнул пальцем в маленькое объявление. — Где же оно, это ваше изобретение?

— Эх, досада! Не захватил с собой, уж никак не ожидал.

А Киров требует:

— Давайте, давайте пробовать.

Киров знает, что на огороды помогать прополке профсоюзы посылают токарей, машинистов, кузнецов, бухгалтеров, портных, аптекарей. Они неумелой рукой не скоро и невпопад дергают зеленые травки с грядок, которые, может, в первый раз видят.

И крапива летит вслед за морковкой—где там их различишь! А пропольник мог сделать любой жестянщик. Его можно было двигать, не оглядываясь, между грядками посева, не боясь затронуть ценное растение. И просто, и скоро, и верно.

И Киров уже кинул заказ на завод, и через десять дней тысяча пропольников работала на грядках. Вот таких людей, как изобретатель терочки, и надо вытаскивать из щелей, из углов, им надо создать такие условия работы, чтобы они могли развернуться. Пусть предлагают, спорят, пусть фантазируют, пусть каждый по-своему, но пусть думают о сельском хозяйстве, о том, как ему сейчас, сегодня же с места дать бойкий ход. А это могут сделать машины, которые заменят труд сотни человеческих рук и будут работать без устали.

И Киров устраивает специальную, постоянно действующую комиссию по сельскохозяйственной механизации. Выдумал новое — давай. Пусть нелепость — не бойся, увидим.

Изменить старое, дополнить, переделать — давай, лишь бы шло по той линии, которую крепко взял Киров в ленинградском сельском хозяйстве.

Вот ругают комбайн — замечательную машину, которой не нахвалятся на Украине. Говорят, этот огромный сундук на низком ходу хорош, чтобы кататься на нем по асфальту. Добро на Украине, где степь гладкая, как стол. А ну-ка у нас, где кочковатая земля поддевает под брюхо эту громадину и она поминутно садится на мель, как баржа на корчагу? А потом какая же это машина? Этот укра-

инский комбайн привык, чтобы ему подавали высушенный на южном солнце колос с зернами, тяжелыми, как дробь, которые готовы высыпаться при малейшей тряске. Ну, а на севере к этой роскоши не приучены. Там хлеб снимать приходится, когда в колосьях зерно еще мягкое, сочное. На то и овин заведен в крестьянстве, чтобы досушивать, докуривать зерно, пока оно не затвердеет. И южное солнце на севере в дождливую осень заменяют дрова.

СЕВЕРНЫЙ КОМБАЙН

И вот комбайн, привыкший к южным полям, то сядет на кочку и, как жук на шпеньке, беспомощно машет колесами, то перепустит через барабан сырые северные колосья, и они вылетают измятыми, изуродованными.

Все в один голос гнали комбайн вон с полей. Хватались с досады за серпы и косы и уж поминали про курной овин, про цепы, про веялку. А в кировской комиссии колхозники Анвельт и Григорьев торопили с рассмотрением своего проекта комбайна. Только северного. Он должен быть короче и на высоком ходу. Он должен молотить — да, да, молотить сырой хлеб прямо с поля, но молотить по-особому. Зерно пусть выпадает, окутанное еще свежей, живой мякиной, она потом подсохнет вместе с зерном, ее легко отвеять. Этот короткий жучок на высоких колесах — это наш северный комбайн. Ему не страшны кочки, он их пропустит у себя под брюхом.

Киров пристально следил за работой комиссии. Он хотел, чтобы привлекли еще больше людей, чтобы еще больше встрепенулось мозгов, и знал, что бережное, внимательное отношение к людям — вот что двигает работу. И предложения сыпались—и деловые и наивно-фантастические. Но кировская комиссия от своего дела не отступала

ни на шаг. На все и даже на нелепые предложения кировская комиссия изобретателей по механизации сельского хозяйства отвечала немедленно и в срок. Люди нашлись, и дело двинулось.

СВОИ ОВОЩИ

Но вот в Ленинградской области вдруг перестали поступать на склады семена овощей. В чем дело? Почему крестьянин не оставляет огурцов на семена, почему нет семян моркови? Если сейчас не узнать, в чем дело, в будущем году придется выписывать семена из других областей. Да и как они еще взойдут в чужом для них климате, на чужой земле?

Если сейчас не найти причину, будущий год для огородов пропал.

Сергей Миронович зорко, как разведчик на фронте, стал искать причину, и оказалось все очень просто: хозяину выгоднее продавать овощи, чем те семена, которые он от них получит.

Значит, надо сейчас же, немедленно поднять цену на семена, поднять ее резко, заметно, не боясь переплатить. И вот семена были спасены как раз во-время.

На огородах еще не успели снять и свезти на базар все овощи. Слухи о высокой цене дошли до хозяев и спасли семена.

Ленинград стал есть свои овощи. Овощи, выросшие из своих семян, на своем суглинке. И совхозы уже получали твердые задания: дать столько-то овощей. И совхозы давали.

Но что за странное явление? Почему одни кочаны капусты везут совхозники с огородов?

Оказалось, все дело в писарской увертке, в той лазейке, которую нашли для себя лодыри в совхозах. План был

С. М. Киров.

задан в тоннах овощей. Подробно не указывалось, каких именно. А что капуста — не овощь? Овощь. В ленинградских мокрых местах уходу за капустой много ли? А сколько морковки на весы надо положить, чтобы перетянула она один кочан капусты? Вот то-то и оно. Легче план выполнять капустой, чем возиться с какой-нибудь петрушкой. Капуста — что ни кочан, то пять кило! И скоро и просто! Лодыри мечтали, чтобы вырос один такой кочан, что потянул бы сразу на весах весь план. Вот за это и взгрел их Сергей Миронович.

Не спасла писарская уловка.

В этих делах Сергей Миронович был беспощаден. И попавшие ему под руку лодыри и ловчилы кряхтели и жаловались.

— Нет, — говорили они, — рука у него тяжелая.

ПОИСКИ РЕЗИНЫ

Если бы спросить у человека лет сто тому назад, он сказал бы, что резина — вещь мало стоящая. А теперь всякий знает, что резина нужна всюду. И в самом деле, автомобили катят на резиновых шинах по шоссейным дорогам, резиной пропитывают оболочки дирижаблей, резиной обвивают электрические провода. Из резины делают водяные шланги, клапаны в паровых машинах, резину ставят всюду, где нужна плотная укупорка и мягкая пружина. Из резины стали делать специальную посуду, медицинские приборы. То совершенно тонкие, полупрозрачные, эластичные пленки, то твердые фигурные отливки, похожие на чугунные машинные части, то толстые тяжелые жгуты, которыми можно слона привязать, как болонку. И вдруг та же резина стелется на стол цветной скатертью и шуршит, как батист... Вышло так, что без резины не проживешь.

В Африке, в лесах Конго, европейцы поставили добычу резины из тамошних тропических растений. Весь мир думал, что это единственный способ добыть этот чудодейственный материал. Европейские колонизаторы загоняли в леса негров, заставляли работать не по силам, а тем, кто не справлялся, отрубали руку.

Из тропических лесов резина шла по всему свету.

Но вот во время мировой войны немцы, замкнутые в кольце врагов, оказались без резины. Немецкие химики стали думать, как решить этот вопрос без Африки и без негров. Решить при помощи науки в лаборатории. Они напрягли все силы и тут же, под гром войны, стали у себя, в Германии, делать резину из ацетона, который легко получить из спирта. Совершенствовать эту искусственную резину было некогда. Ее сейчас же пустили в ход на покрышки военных автомобилей. Но резина получилась дрянная. Она трескалась от мороза, и на остановках покрышки из такой резины приходилось укрывать шубами, как горячую лошадь в ненастье. Она стоила огромных денег. И вопрос о резине разрешили коммерсанты. Оказалось, что капиталисты могут столковываться между собой даже во время войны. Англичане через шведов партиями покупали немецкие станки для военных заводов, а немцы скупали у тех же шведов английскую резину. И все-таки после войны во всем мире крепко запомнили, что резина в военном деле весит не меньше пороха.

Советскому союзу на случай войны надо быть готовым отражать все удары, надо рассчитывать на свои внутренние силы, надо, чтобы все было у нас для обороны.

И Союз стал искать резину у себя. Искали в азиатских степях растения, сок которых давал бы резину, искали ее и в научных лабораториях изобретателей. И нашли. Вот как это произошло.

В Ленинграде есть учреждение — Государственный

институт прикладной химии. Как-то приходит химик Клебанский к директору этого института и заявляет, что он может сделать искусственный каучук — резину.

Исходный материал? Вода и камень. Клебанский объяснил директору, какой это камень и как он рассчитывает получить из него каучук. Камень этот — карбид кальция. Облить его водой, пойдет газ ацетилен — тот самый, который жгут в велосипедных фонарях, а уж из этого ацетилена Клебанский брался извлечь каучук. Но, чтобы поставить работу, нужны деньги.

Директор выхлопотал Клебанскому пять тысяч. Что же, пусть попробует. Клебанский израсходовал пять тысяч и доложил, что каучук не вышел. Надо еще пять тысяч, тогда каучук непременно будет.

Директор видел, что мысль как будто правильная, что взялся за дело Клебанский горячо и, кто его знает, может быть, в самом деле, в каких-нибудь пяти тысячах весь вопрос. Как не дать? Дал. И вот еще пять тысяч, еще сотни опытов — и снова ни грамма каучука. Но уже самого директора захватила горячка, та самая горячка, в которую бросает людей, когда они взбираются на вершину горы, где еще не была нога человеческая. Люди забывают о риске, не видят под собой смертельной пустоты, обрыва, не чувствуют усталости и лезут наверх, скользя и оступаясь, хватаясь за всякие уступы. Такая горячка охватила всех работников института. Они пошли на приступ искусственной резины.

Директор дал еще денег. Работали дружно, горячо. Казалось, что резина сейчас-сейчас получится. До денег ли тут?! Уже не пять, а пятьдесят тысяч, еще пятьдесят тысяч, снова пятьдесят, а каучука все нет.

Директор опомнился. Истратили больше полутораста тысяч, а похвалиться нечем, кроме протоколов неудачных опытов.

Резина должна была получиться, как получается из

молока простокваша. И это резиновое молоко было сделано, никто не сомневался в том, что это то самое резиновое молоко, которому один шаг до настоящего каучука. Этот шаг делали, а получалась не желанная простокваша, а резиновый творог, который ни на что не годен. Но ведь если сделали резиновое молоко, резиновый творог, так ведь где-то здесь, совсем под самым носом, эта резиновая простокваша — искусственный каучук!

Близко-то близко, а пока что все это было похоже на растрату ста пятидесяти тысяч государственных денег. Еще пятьдесят тысяч пошло на опыты. Хоть бы один миллиграмм этой резины, который можно было бы выставить против четверти миллиона истраченных денег. Миллиграмма не было. И директор положил еще пятьдесят тысяч.

ПЯТЬ ГРАММОВ — ДВЕСТИ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ

Но из этих пятидесяти тысяч истратили две и принесли из лаборатории пять граммов вонючего вещества в пробирке. Это и была та самая простокваша.

Это уже не горькие протоколы. Это — простокваша, закваска надежд на тысячи тонн советской резины из воды и камня.

Да, но четверть миллиона надо во что бы то ни стало покрыть. Завтра они понадобятся на другие дела. Что тогда делать? И директор побежал в Смольный прямо к Кирову. Прибежал и сказал ему, что уже четверть миллиона истрачено — и вот пять граммов вонючей резинки. А теперь делайте со мной, что хотите.

Но не с ним, а с резиной велел делать Сергей Миронович. И делать так, как делали до сих пор. Делали правильно, молодцы! Так и надо было. Теперь пусть едут в Москву к Орджоникидзе добывать деньги на продолжение опытов.

Рабочий кабинет С. М. Кирова в Смольном.

Ехать надо сейчас же. Киров и сам будет в Москве, и секретарь Орджоникидзе скажет им, где остановился Киров.

И вот директор в Москве. К секретарю Орджоникидзе.

— Где Киров? Сказал, чтобы ему позвонить.

— Не надо, — говорит секретарь, — уже все готово. Вопрос решен. Идите прямо в Совет труда и обороны. Там уже все знают.

Совет труда и обороны пишет: «Выдать миллион».

Лаборатория ожила. Еще бы! Такое доверие. Еще с большим жаром закипела работа. Но проклятая резина увиливала, пряталась и только десятками граммов проступала

наружу. Ей ставили ловушки, искали новых способов, расширяли штат ловцов, а миллион тек и тек.

Уже в коридоре Смольного директор прошмыгнул мимо Кирова, счастливый, что Сергей Миронович его не заметил, с кем-то говорил, курил папиросы. Нет, не тут-то было.

— Стой, стой! — окликнул Киров и побежал вдогонку.

Пришлось остановиться.

— Ну, как дела с каучуком?

— Деньги получил. Спасибо!

— Ну, а каучук?

— Мелочи тормозят, — отвечает директор.

Неприятно говорить о мелочах, получив крупные деньги. Стал объяснять, что стыдится секретаря ЦК беспокоить по пустяковым вопросам. Но тут Киров напустился на директора:

— Вопрос величайшей важности. Если где-нибудь заедает, чего же не обращаетесь ко мне?

А директор в то время был в большой тревоге. Да и все в институте приуныли. Им доверяли, на них надеялись, дали без разговоров миллион. А они все топтались на месте. Но после разговора директора с Кировым дело пошло по-иному. Директор собрал всех работников и в точности передал им кировские слова. И люди легко вздохнули. Прошли опасения, что их не поймут. Они уже без страха объявили через полгода, что с опытно-промышленной установки выпущено пять килограммов синтетического каучука. А потом был пущен в ход уже не опытный, а промышленный завод искусственной резины из ацетилена, первый и единственный в мире. Теперь это была уже не та вонючая масса, которую с трепетом вез в Смольный Кирову директор ГИПХ. В новой резине оказались качества, которых нехватало настоящему каучуку. Эта резина не растворяется в бензине. Из нее можно делать трубы и по ним проводить бензин, не боясь, что трубы размокнут. Из этой резины можно сде-

лать мешки для перевозки горючего для автомашин. На нее не действует масло, и в масляном трансформаторе для переработки электрического тока, где она так была нужна как изолятор и куда не было доступа прежней резине, новую можно ставить без оглядки, не боясь, что она раскиснет, растворится и выскочит. Автомобильные покрышки из нее оказались гораздо прочнее прежних.

Да, Советскому союзу был поднесен неплохой подарок! Не на сегодня, не на один день это дело.

Грянет война, нам не надо бегать к врагам за покрышками и противогазами. Будет мир — наш автотранспорт будет работать на своих ходах. И когда-нибудь вспомнят смольнинский коридор, встревоженного директора и кировский оклик...

ХИМИКИ ДЕЙСТВУЮТ

А ободренные химики выволакивали из земли горючий камень — шунгит. Это не каменный уголь, это выродок, это беспородная дворняжка среди благородных антрацитов, пламенных и курных углей, высокосортных донцов. Но шунгит был тут же под рукой, и его можно было чуть не лопатой грести с земли прямо в топку, поставь только ближе завод.

Правда, этот серячок среди углей очень грязно вел себя. На колосниках он столько оставлял золы, что, казалось, готов завалить все поддувало, забить топку и дымоход и перестать тлеть. Уже слухи ходили среди теплотехников, что шунгит просто авантюра и, пожалуй, очковтирательство.

Киров слышал, что идет спор. И он созвал всех спорящих ученых и спецов. И вот одни говорили, что шунгит ерунда, а другие, в том числе и прикладные химики, говорили: это правда, что много золы, но горит жарко.

Киров слушал споры, наконец, спросил:

— А много ли этого шунгита здесь, у нас, под Ленинградом?

Оказалось, что очень много.

Киров сказал:

— Добывать. Теперь все дело покажет. Разрешайте ваш спор делом. Топки на шунгите решат вопрос.

Совещание окончилось, люди разошлись, а прикладные химики стали мудрить, какую бы топку предложить этому старику шунгиту, этому старому бывшему углю, из которого, как говорят, уж песок сыплется, который золой заваливает колосники и поддувала, где так хорошо и гордо сгорают донцы любого звания. И вот для этого бывшего угля стали замышлять удобные коробки с удобным решетчатым полом. Ведь стоило потрудиться. Старик шунгит потерял в веках свой былой форс и блеск молодого каменного угля, но жару старик не утратил, как будто даже больше в нем собралось.

— Высокая калорийность, — говорили спецы, — но... не горит.

Много мудрили инженеры, подбирая удобную топку. Наконец,— ура! — шунгит горит под котлами, держит пар, и прикладные химики шунгитом топят свои котлы.

Сквознячком прошел слушок, будто химики малость хитрят: погорит шунгит минут десять, начнет тухнуть — заваливают в топку донца. Разгорится донец — суют шунгит, пока опять не начнет тухнуть.

Киров и этот слушок уловил.

Вдруг звонок по телефону в ГИПХ.

— Чем топите?

— Шунгитом.

— Горит?

— Горит, Сергей Миронович, даже хорошо горит.

— Ладно.

А через двадцать минут уже во дворе машина. Из

С. М. Киров за работой в своем кабинете.

машины Киров прямо к котлам. Вот она, кочегарка, вот топки, у топок шунгит и никаких донцов.

Киров глядит на манометр. Заглядывает в топки — горит молодчага шунгит. А манометр показывает, что пар в котлах полностью держит свое давление. Киров смотрит на работу кочегаров. Много ли возни с этой новой выдумкой? Смотрит, как чистят топки. Нет, дело идет, как надо. Топки приспособлены к шунгиту, и люди приспособились к топкам.

С час времени не отходил Киров от топок. Дело шло без перебоев, без горячки, как будто вели топку на привозном донецком угле.

Кирову больше ничего не надо было. Он видел, что

химики победили. Нашли у себя, под Ленинградом, новое топливо, и сегодня оно заработало себе законные права. Старик шунгит не дал спуску молодым донцам. А это разгрузило дороги, разгрузило транспорт, сбрасывало с Донбасса хотя бы часть ленинградской нагрузки.

РАЗНЫЕ ДЕЛА

— Стой, стой, а как торговля? А чай? Как же, говоришь, всюду? Я сам ходил, и вот тебе: в двух магазинах чаю нет. В каких? Тебе бы надо знать. Нет, брат, не умеем еще мы торговать.

А к вечеру уже звонил на квартиру:

— Так как же, чай-то теперь всюду есть?

Это Сергей Миронович налаживал коммерческую торговлю, налаживал «Гастрономы» и «Бакалеи».

От Кирова трудно было скрыть даже пустяк. А врать уж совсем не стоило. Киров всех, кто работал с ним, научил одной очень важной в делах привычке: не знаешь — не сочиняй.

А как иногда хотелось чуточку соврать. Немножечко, на вершочек. И вот на этих-то самых вершочках и нарывались. Открывали коммерческую торговлю в Ленинградском пассаже. Народ валил валом, продавцы устали продавать товары. Блестяще проходил первый день, всего без отказа. Ну, можно с открытой душой рапортовать Сергею Мироновичу. Так нет же!

— Так, так, — говорит Киров, — а одеколон?

И верно, этого окаянного одеколона, его-то именно как раз и нехватило.

И Киров уже знал, что в универмаге день кончился с прорывом. Наговорил Сергей Миронович неприятных слов и кончил: не умеем, не научились мы торговать.

Ну, хоть «мы» сказал, все же легче.

А Киров уже подхлестывает, подгоняет с хлебом. Предсказывает отмену карточек, велит быть готовыми к свободной торговле хлебом и каждый день не забывает позвонить по телефону:

— Ну, как сегодня?

И каждый день, начиная это «сегодня», все уже знали, уже слышали наперед этот вечерний звонок. Вот пустяковый случай. Разъехались итээровцы по Уралам, по Донбассам. Вдруг звонит Киров.

— А что же, их семейства без карточек остались?

А тут еще особое снабжение ученых, писателей, деятелей искусств. А тут еще «пузыри» — это дети, так их называл Киров. Спрашивает:

— Снабжены ли пузыри, все ли у них есть?

Удивлялись: как он все это помнит? Ведь иной раз о каком-то случайном приезжем звонит Киров: нет карточки. Проверь, и, если это так, надо устроить.

Откуда такая память? Одно только горячее желание провести дело, для которого прожил всю свою жизнь Сергей Миронович, одно это жадное желание и могло родить эту крепкую память.

И выходило: Киров знает о хлебе, о карточках какому-то заезжему рабочему, справляется на Путиловском, переставили ли станки, напряженно слушает спор специалистов по геологическому делу; идет из Смольного—в дверях останавливает его мальчишка, тот самый школьник, что на конкурсе юных дарований поражал всех звукоподражанием. Мальчишке Киров обещал устроить квартиру, он помнит и уже распорядился. В машину садится, чтобы гнали его к прикладным химикам смотреть, горит ли шунгит; вечером какое-нибудь совещание в Смольном. Ни минуты свободной. Этак, если заболеешь, так и болеть будет некогда.

Верно — Кирову некогда было болеть. Захворал как-то, прислали к нему врача. Врач пришел, думал лечить, а Киров его давай исповедывать, как у них, у врачей, медицинские дела, и пришлось врачу докладывать, рассказывать, а в конце концов больной поймал врача за руку и говорит, пристально глядя в лицо:

— А знаете, батенька, у вас вид очень плохой, вы бы легли, не ходили.

Вот и полечил! Сам в больные попал!

Но ведь надо же человеку, если и болеть-то некогда, найти минуту, чтобы душу отвести. Надо ведь чем-нибудь веселым побаловать себя денек-другой за весь год.

Киров до страсти любил охоту.

Еще в Азербайджане он ходил с товарищами на кабана.

До этого еще никогда не охотился на кабанов. А тут пошел. Нашли специалиста, старого охотника-кабанятника, о котором говорили, что он убил больше сотни кабанов.

Кабан — сильный и свирепый зверь. Он на бегу клыком перебивает молодое деревцо, а если его подранить, то он впадает в ярость, которой нет удержу. Он прет навстречу любой опасности, зачастую запарывает собак; бывали случаи, когда кабан наносил смертельные раны оплошавшему охотнику.

Кабанятник предупреждал обо всем этом. Подранить кабана — это хуже всего, надо бить в убойное место, валить сразу, наповал.

Бросили жребий, кому где встать.

Кирову достался номер первый, и он стал против лаза, то есть как раз на дороге, где побежит кабан, когда его погонят собаки. Все притихли и стали ждать. Собаки уже побежали в обход. Вот они залаяли, охотники насторожились.

Раздался выстрел. Это стрелял Киров. Товарищи не

С. М. Киров среди пионеров на школьном празднике в Ленинграде.

знали, чем кончилось дело, и бросились к Сергею Мироновичу. Может быть, что-нибудь случилось? Может быть, зверь только ранен?

Киров прыгает от радости над тушей кабана. Кабан оказался огромным, даже редким по этим местам.

— Вот посмотрите! — говорил Киров, смеясь. — Одним выстрелом! И как попал! Как налетело на меня это страшилище, должен сознаться, поджилки задрожали. А все-таки смотрите, куда попал!

Кабанятник осмотрел тушу. Выстрел был сделан по всем правилам охотничьей науки. Киров притопывал от радости. Товарищи смеялись, глядя на него. Сергей Миронович, веселый, возвратился с охоты. В кабане оказалось двести килограммов веса. О Кирове заговорили, как о лучшем охотнике, и выбрали почетным председателем Бакинского союза охотников.

А теперь никак и не соберется съездить на охоту. Когда уж! Завяз в делах.

— Эх, — говорил Сергей Миронович, — бывало раньше набредешь на болото, лезешь прямо в трясину, напролом. А нынче подойдешь к топи, да и пойдешь в обход.

Пробовал иной раз побалагурить, всякую охотничью чепуху рассказать, посмеяться.

— Вот заяц раз видит — охотники обступили. Куда бежать? А впереди река. Заяц не дурак — сиганул прямо в воду, в Неву, — как нырнет! Около Ораниенбаума только и вынырнул. Охотники в дураках, а заяц вылез на берег, отряхнулся и говорит человечьим голосом: «Вот чорт, охотники гнались, чуть не убили. Хорошо, догадался в воду прыгнуть».

Бывало потянет побродить с ружьишком, заговорит старая привычка, так что сладу нет. А дела не пускают. Как быть?

И вот Сергей Миронович достанет из чехла свою централку, разберет, прочистит стволы, замки, смажет, протрет, сложит, сквозь стволы на лампу прицелится. Эх, и горит ярким пламенем! Ну, ладно, поохотился, пора и убрать. Отнимет стволы, в чехол, да и опять на стенку. Будто и поохотился. И с души отлегло.

И снова в голове Ленинградский порт, немецкие пароходы, школьница, которую надо в филармонию устроить, и искусственный каучук. А с Хибин, с холодных гор, на полстраны посылать надо фосфоритные удобрения. Это дело должно перевернуть вверх дном всю северную пахоту. И снова пошла голова шуметь всеми колесиками, бесчисленными шестеренками, которыми невидимо связаны человеческие мысли, что идут далеко, в желанное будущее.

Киров успевал еще ездить в Москву: ведь он один из секретарей ЦК и член Политбюро ЦК партии.

Киров был близким другом товарища Сталина. Вместе с другими членами Политбюро — с Ворошиловым, Кагановичем, Молотовым, Орджоникидзе, Калининым, Куйбышевым, Андреевым — он обсуждал и решал все важнейшие вопросы работы партии и жизни Советской страны. Он был членом Центрального комитета, который руководит партией и рабочим классом.

Всем памятна замечательная речь, которую Киров произнес на семнадцатом съезде партии.

Весь партийный съезд внимательно слушал простую, умную и горячую речь Кирова, и весь зал ответил шумными и веселыми аплодисментами, когда он сказал:

— Успехи действительно у нас громадные. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить! На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт.

Так жил и работал Киров.

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ ВЫСТРЕЛ

А зиновьевцы и троцкисты притаились в подполье. Дело их было безнадежно проиграно. Партия победила. Троцкого с позором выгнали из страны, как контрреволюционера.

Открыто итти против партии было совсем невозможным делом.

Зиновьевцы и троцкисты сделали вид, что раскаялись во всех своих преступлениях против партии. Но они затаили злобу и ждали удобного случая, чтобы добиться своего.

Сунуться к рабочим с агитацией против партии никак нельзя было. Рабочие встретили бы зиновьевско-троцкистского агитатора, как всякого контрреволюционера. Этой дорогой итти было невозможно.

Зиновьевцы проиграли, когда шли против партии в открытую, они проиграли, когда вместе с Троцким устраивали подпольные собрания и контрреволюционные демонстрации.

Прежде они пытались еще защищать свою программу. Теперь их программа стала такой, что ее надо было тщательно скрывать от рабочего класса. Это была программа шпионажа, измены и убийств, это была предательская программа.

Чтобы обмануть партию и рабочий класс, зиновьевцы и троцкисты лицемерно каялись, отказывались от своих троцкистских взглядов и всячески проклинали Троцкого. Это на словах. А на деле?

На деле они вместе с Троцким совершали вредительства, убийства рабочих и красноармейцев. Они решили действовать террором против вождей рабочего класса.

В полном контакте с ними действовала и другая группа предателей во главе с Бухариным и Рыковым.

Им всем ненавистны были вожди, с которыми партия победила, им ненавистен был вождь мирового пролета-

риата — Сталин. Но с Кировым у них были еще особые счеты. Это он беспощадно разгромил их в самом Ленинграде, в городе, в котором они надеялись окопаться против партии.

Много лет они копили свою злобу. Много лет они тайком подбирали себе сторонников, организовывали в Москве, Ленинграде контрреволюционные центры и поставили своей целью убивать лучших людей рабочего класса, вождей трудящихся всего мира, для того чтобы хитростью и обманом завладеть властью, чтобы восстановить капитализм.

Разбитые на всех фронтах, много раз каявшиеся в своих преступлениях перед рабочим классом, Зиновьев и Каменев без конца повторяли свои лживые клятвы. Они всюду клялись дорогим для всех трудящихся именем товарища Сталина в преданности делу строительства социализма, а сами между тем продолжали свое предательское дело, подготовляли убийства вождей нашей страны.

Зиновьев и Каменев, запятнавшие себя изменой и трусостью в прошлом, сговаривались о том, как бы лучше организовать свое преступное дело. Нужно было сделать очень хитро, так, чтобы никто не догадался, кто настоящие убийцы. Надо было так умело направить своих помощников, чтобы они, даже будучи пойманными, не сознались, кто направлял их преступные руки.

Троцкий, с которым Зиновьев был связан общим предательством, посылал своих агентов в Советский Союз с той же целью — убить Сталина, убить Кирова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Молотова.

Негодяй и изменник Троцкий, да и вся троцкистско-зиновьевская банда замышляла целую цепь преступлений. Все дальнейшие поступки этой оголтелой своры ставили себе конечной целью уничтожить Советский Союз. И все они — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и вся шайка

бандитов, которую им удалось подобрать из таких же изменников, какими были они сами, — соединились для того, чтобы любыми средствами разрушить социалистическую стройку, восстановить капитализм и самим стать у власти. Они решили, что будут добиваться поражения Советской страны в войне с капиталистами; в их программе, раскрывавшей их подлые, изменнические планы, был наглый, беззастенчивый дележ своей родины.

Все это раскрылось много позже.

1 декабря 1934 года в коридоре Смольного с простреленной головой упал, убитый предательским выстрелом сзади, Сергей Миронович Киров.

Через полтора года на суде стали вытягивать ту нить убийств, предательств и измены, которую сплел бандит и убийца Троцкий с Зиновьевым, Каменевым и всей своей подлой бандой.

Раздавить гадину — был единодушный голос всей страны. Раздавить гадину — был единодушный голос всех честных людей во всем мире. И гадина была раздавлена. Вслед за убийцей Николаевым, стрелявшим в Сергея Мироновича Кирова, была расстреляна вся шайка убийц, направлявших его руку.

ПИСЬМО ТОВАРИЩЕЙ

На другой день после убийства товарища Кирова на первых страницах газет в черной рамке было напечатано:

«Нашу партию постигло большое несчастье. 1 декабря от руки злодея-убийцы, подосланного классовыми врагами, погиб товарищ *Киров*. Не только для нас — его близких друзей и товарищей, но для всех знавших его по революционной работе, знавших его как бойца,

товарища и друга, смерть *Кирова* является ничем невознаградимой утратой. От руки врага погиб человек, который всю свою яркую жизнь отдал делу рабочего класса, делу коммунизма, делу освобождения человечества.

Товарищ *Киров* представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплотой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу.

Товарищ *Киров* работал в разных частях Союза ССР и во времена подполья, и после Октябрьской революции — в Томске и Астрахани, во Владикавказе и Баку, — и всюду он высоко держал знамя партии и завоевывал для дела партии миллионы трудящихся своей неутомимой, энергичной и плодотворной работой революционера.

Последние девять лет товарищ *Киров* руководил организацией нашей партии в городе Ленина и Ленинградской области. В кратком скорбном письме нет возможности дать оценку его деятельности среди трудящихся Ленинграда. Трудно было бы найти в нашей партии более подходящего руководителя для рабочего класса Ленинграда, так умело спаявшего всех партийцев и весь рабочий класс вокруг партии. Он создал во всей ленинградской организации ту атмосферу большевистской организованности, дисциплины, любви и преданности делу революции, коими отличался сам товарищ *Киров*.

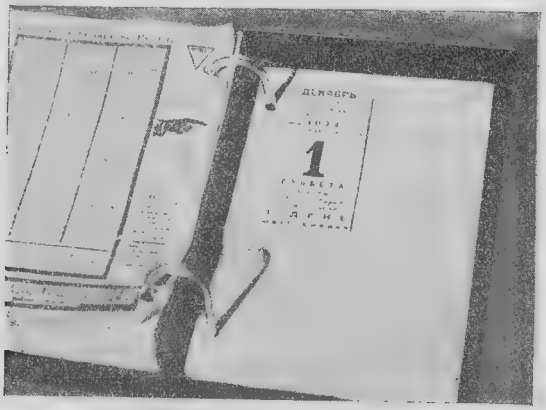
Ты был близок всем нам, товарищ *Киров*, как верный друг, любимый товарищ, надежный соратник. До

последних дней своей жизни и борьбы мы будем вспоминать тебя, дорогой друг, и будем чувствовать горечь нашей утери. Ты был всегда с нами в годы тяжких боев за торжество социализма в нашей стране, ты был с нами всегда в годы колебаний и трудностей внутри нашей партии, ты пережил с нами все трудности последних лет, и мы потеряли тебя в момент, когда наша страна достигла великих побед. Во всей этой борьбе, во всех наших достижениях много твоей доли, много твоей энергии, силы и пламенной любви к делу коммунизма.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ Сергей!»

Это письмо написали товарищи Сталин, Орджоникидзе, Молотов, Калинин, Ворошилов, Каганович, Микоян, Андреев, Жданов, Куйбышев, Петровский, Шкирятов, Ярославский, — те, чьим другом и соратником по великой борьбе за коммунизм был Сергей Миронович.

Страна не забудет Кирова. Он погиб за дело партии. Но никаким убийцам не удастся сокрушить партию, за которую он отдал свою жизнь.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Что нужнее всего? 3
Смерть Кононова 8
Знамя спасено 10
«Приятель» 14
Черная сотня 17
Оружия не сдавать! 20
Пожар 23
Беседа в пекарне 26
Неуловимая типография 29
Роют подземелье 32
Где же типография? 35
Тюремная «республика» 37
Тюремный журнал 46
Неожиданный обвал 49
«Тот был из простых-с...» 51
На берегах Терека 53
Против общего врага 56
В кольце фронтов 60
В Астрахани 62
Бой за Каспий 67
Неудачливый генерал 72
Ночной поход 73
Киров и моряки 75

Астрахань окружена 79
В обход на белых 80
Таинственный корреспондент 84
Воздушное бездорожье 86
Борьба за нефть 91
Армия тартальщиков 94
Крекинг Капелюшникова 97
Пожар на промыслах 98
Предатели 101
Киров в Ленинграде 105
Порт 107
Бсльшевистский порядок 110
Ледокол на реке 112
Коридор без дверей 115
Неведомые горы 117
Сквозь вихрь и стужу 118
Строить Хибины! 120
Океан за стеклом 122
Артиллерия полей 125
Ленинградская земля 131
Новые культуры 134
Изобретатель терочки 135
Северный комбайн 138
Свои овощи 139
Поиски резины 141
Пять граммов—двести тысяч рублей 144
Химики действуют 147
Разные дела 150
Предательский выстрел 156
Письмо товарищей 158

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Ответств. редак. Е. СОЛНЦЕВА.
Художеств. редак. П. СУВОРОВ.
Техн. редак. М. ГОЛОВАНОВА.
Ответ. коррек. А. САПЕЛКИНА.
Переплет и форзац художника Н. Н. ЖУКОВА.

Сдано в производство 7/III—1937 г.
Подписано к печати 22/V—1937 г.
Детиздат № 1068. Индекс Д-7. Формат 72 x 93 1/16. 10 1/2 п. л. (7 уч.авт.л.)
Уполномоченный Главлита Б-6314
Тираж 50 300. Заказ № 199
Цена 3 р., переплет 1 р. 50 к.

Фабрика детской книги изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сущевский вал, д. 49.